

Литературная газета

№ 1 (110), 2019

Выбор
времени Льва
Котюкова

стр. 4-5

Из двухтомника
Валентина
Сорокина

стр. 6-7

Проза
Азербайджана.
Фируз Мустафа

стр. 12-13

Когда все люди — братья

Не успел год начаться, как издательский проект МСПС порадовал нас новой книгой: в январе увидел свет однотомник избранных переводов Владимира Бояринова «Двоюродные братья»

Замечательные переводы охватывают сорокалетний период вдохновенного творчества самобытного русского поэта.

Солидная, тяжёлая, внушительная по форме и по содержанию она — долгожданный подарок страстным любителям поэзии. Эта книга — своеобразный гражданско-лирический публичный манифест Поэта и руководителя крупнейшей писательской организации, которая находится в самом

сердце страны и на которую равняются в городах и сёлах.

«Двоюродные братья» — это для тех, у кого пытливые умы, кто миролюбив и тяготеет к миропониманию, кто любит свой народ и соседей, кто чтит и уважает традиции и тянется к своим собратьям — к тем, с кем живёт на одной планете.

Двоюродные братья — они ведь по духу братья, по впитанному в кровь и пот каждому доброму Слову и многочисленным строчкам, то озорно пляшущим на страничках, то склоняющим свои буйные головы. Чьи они теперь, слова эти, строчки? Поди угадай: автора ли, переводчика? Да вот и не так, и не эдак, потому что в этой своей новой форме, под этим мощным твёрдым переплётом стали они неразделимы, настоящими родственниками, а ещё лучше — единым целым.

Продолжение на стр.3

Новые стихи хороших поэтов

В рамках издательской программы МСПС Международное сообщество писательских союзов и Московская областная организация Союза писателей России выпустили в свет очередной номер литературно-художественного и культурно-просветительского журнала «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова»

В журнале под рубрикой «Друзья, прекрасен наш союз» опубликованы произведения Ивана Переверзина, Игоря Ушакова, Людмилы Снитенко, поэтические переводы, эссеистика и проза поэтов, репортажные материалы.

Так, под рубрикой «Русь неистребимая» напечатаны Лидия Жарова, Сергей Газин, Валерий Шитуев, Вячеслав Постников, Андрей Дебабов, Михаил Руушан, Владимир Лория, Владимир Зайцев. На страницах журнала Лев Котюков проводит «Мастер-класс» и публикует рецензию на творчество Эдуарда Хандюкова. Заинтересованный читатель легко найдёт здесь рубрику Хандюкова и увидит репортаж Игоря Шевченко о награждении юных поэтов, пишущих хайку, и их произведения: «Юные хайдзины в Доме Ростовых».

Также в этом номере опубликованы: Валерий Киселёв, Лариса Черникова, стихи в переводе Елены Беловой на немецкий язык Олега Севрюкова и Сергея Газина, Игорь Куринной, Валерий Баталов, Наталия Максимова, «поэты Уранового

века» Олег Севрюков, Нина Абрашина и другие.

Журнал «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова» выходит с 1997 года (до 2012 года он выходил под названием «Поэзия»). Учредителем журнала является Международное сообщество писательских союзов. Главный редактор — председатель правления МОО СП России, поэт, заслуженный работник культуры России Лев Котюков. Председатель редакционно-издательского совета — председатель МСПС, поэт, заслуженный работник культуры России Иван Переверзин. Издаётся журнал в подмосковном издательстве «Серебро слов», которым руководит заместитель главного редактора, заместитель председателя МОО СП России, поэт Сергей Антипов.

Через МСПС журнал распространяется в субъектах Российской Федерации и за рубежом, а через систему литературных объединений — на территории Московской области и Москвы.

Игорь ВИТЮК

Год столетия Даниила Гранина

Два года назад, вскоре после ухода из жизни Даниила Александровича, президент России подписал Указ «Об увековечении памяти Д.А. Гранина и праздновании 100-летия со дня его рождения». Официальное открытие года запланировано на 9 февраля и начнётся в Санкт-Петербурге

Даниил Гранин — один из тех писателей, который сам прошёл через войну, дошёл до Берлина в качестве командира роты танков. После демобилизации работал в Ленэнерго, восстанавливая разрушенное в блокаду энергетическое хозяйство Ленинграда. Но вскоре полностью переключился на литературную деятельность. Даниил Гранин начал печататься ещё с 1937

года, но началом своей профессиональной литературной деятельности считал публикацию в журнале «Звезда» в 1949 году рассказа «Вариант второй».

Основная тема произведений Даниила Гранина — нравственные проблемы науч-

но-технического творчества, раскрытые в романах «Искатели», «Иду на грозу», повестях «Эта странная жизнь», «Зубр». Писателя всегда отличала любовь к истории и литературе. Такие замечательные книги, как «Вечера с Петром Великим», «Два лика», «Священный дар», «Отец и дочь», «Тринадцать ступенек», «Герой, которого он любил всеми силами своей души», посвящены Петру I, Пушкину, Достоевскому, Толстому.

Ожидается много масштабных и интересных событий, связанных с именем Гранина и его наследием. В частности, принято решение о создании большой коллекции, посвящённой жизни и творчеству Даниила Гранина, в которую войдёт архив писателя, переведённый в «цифру». Объявлен Международный открытый творческий конкурс на лучший проект памятника писателю в Санкт-Петербурге.

В рамках мероприятий 2019 года — проведение Всероссийского конкурса для ре-

гиональных библиотек по произведениям писателя («Гранинская литература»), марафона добра Даниила Гранина, ежегодного «Летнего Гранинского фестиваля: Комарово и его обитатели», состоящего из серии «Вечеров памяти», посвящённых выдающимся деятелям российской культуры и науки.

Готовится документальный фильм режиссёра Бэллы Курковой о Гранине, театральные постановки по его произведениям в ведущих театрах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России. Пройдут театральные постановки по его произведениям. Будет выпущен ряд изданий: полное собрание сочинений, фотоальбом, сборник воспоминаний и беллетризованная биография в серии «ЖЗЛ». «Аэрофлот» присвоит имя Д.А. Гранина одному из самолётов авиакомпании.

(По материалам сайта Год литературы)

Мир поэта — его Отчизна

В Сухуме прошли юбилейные мероприятия, посвящённые 80-летию народного поэта Абхазии, академика АНА, председателя Ассоциации писателей Абхазии, кавалера ордена «Ахьдз-апша» первой степени, лауреата государственной премии им. Д.И. Гулиа, обладателя медали А.С. Пушкина, лауреата Всероссийской премии им. А.Дельвига, заслуженного деятеля наук Республики Абхазия Мушни Ласурия

В Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа состоялась научно-практическая конференция, открывшая которую, директор института Арда Ашуба отметил: «Творческий путь Мушни Ласурия — это очень богатый жизненный

опыт. Он общался с писателями и переводчиками высокого уровня республик СССР и многое сделал для развития абхазской литературы. Его работы всецело направлены на расширение возможностей родной литературы, он старается донести всё творческое разнообразие и колорит её широкому кругу читателей».

От имени доктора филологических наук, профессора, академика АМАН, почётного академика АНА Зины Габуния языковед, доктор филологических наук, профессор Лили Хагба сказала: «Для автора отношение к родной земле, собствен-

ной семье, к роду — это спасительный круг. Вдохновлённый идеями гуманистических традиций, он выражает думы и надежды родной Абхазии, её стремление к возрождению и развитию».

В рамках юбилея Мушни Ласурия в государственном музее открылась выставка «Мир поэта» и состоялась презентация романа в стихах «Отчизна». Открывая мероприятие, министр культуры и охраны историко-культурного наследия Эльвира Арсалия назвала появление романа на русском языке, (перевод осуществила поэтесса Наталья Ванханен) «радостным событием минувшего года», потому что благодаря этому как можно больше людей узнают об Абхазии, о её современной истории, литературе и культуре.

Со своей стороны Мушни Ласурия поблагодарил Наталью Ванханен. А отметив работу Батала Джапуа, юбиляр подчеркнул,

что этот замечательный художник неоднократно делал иллюстрации к его книгам.

В торжественном вечере, посвящённом Мушни Ласурия, который состоялся в Абхазском государственном драматическом театре имени С. Чанба, принял участие Президент Абхазии Рауль Хаджимба. С уважением к юбиляру был зачитан ряд поздравлений, в том числе от спикера и парламентариев Народного собрания республики и от Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Абхазии Алексея Двинянина.

Заместитель председателя Международного сообщества писательских союзов Юрий Конопляников зачитал поздравительный адрес председателя МСПС Ивана Переверзина.

Остаётся отметить, что Мушни Ласурия является старым добрым другом МСПС, которое всегда будет поддерживать ярких талантливых писателей современности, в каком уголке планеты те бы не находились. С юбилеем! Долгих творческих лет и доброго здоровья!

Соб.инф.

Рождественские чтения в Сергиевом Посаде

В канун светлого праздника в старинном русском городе Сергиев Посад состоялся необыкновенно тёплый литературно-поэтический вечер, организованный местным литературным объединением «Свиток» и творческим союзом «Москва поэтическая»

Литераторы, музыканты и художники ехали на Рождественскую встречу из Москвы, Королёва, Воскресенска, Бежецка, Хотькова, Пересвета и других мест.

Сергиев Посад встретил гостей ярким зимним солнцем и приветливыми улыбками. Гостеприимные хозяева из литературного объединения провели экскурсию по городу и Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Крупнейший центр духовной, образовательной и издательской деятельности Русской православной церкви, безусловно, наложил отпечаток духовности на своих жителей. Высокая культура и просветительство отличают членов литературного объединения «Свиток», которое отпраздновало своё 38-летие. Людей разных по возрасту, образованию и литературным пристрастиям объединила любовь к поэзии. Поэты принимают активное участие во всероссийских и международных фестивалях

и конкурсах, занимая призовые места. В конце декабря Галина Ключникова, Александр Дорожинский, Марина Бажанова были удостоены почётного знака «Призёр всероссийского конкурса «Герои великой Победы». Активные члены «Свитка» А.Дорожинский, Т.Александрова, Н.Козлова, О.Киселёва, В.Коблов, В.Глазер, Н.Докторова, Р. Бобрешова, С.Ахтямова, С.Наумов и другие помогают своему литобъединению восходить на новую творческую высоту, которую фоторепортёр Светлана Ахтямова отражает в видеопроекте «Литераторы Радонежья. Душевные встречи».

Руководитель литобъединения «Свиток» Галина Ключникова и бессменный лидер «Москвы поэтической» Наталия Родионова с искренней теплотой вели

творческую встречу и представляли её участников. От «Москвы поэтической» выступили С.Порохин, А.Шуринов, З.Корина, Т.Алексеева, Н. Политуха, В.Грибов, Т.Кондратьева, М.Васякина, Ж.Варнавская и С.Леонтьев. Аплодисментами было встречено выступление композитора В.Трофимова-Медногорского, прочитавшего стихи из новой книги Александра Прихожанина «Душа читает вдумчиво, не быстро...» о великом защитнике и заступнике земли Русской Александре Невском, а потом исполнившего музыкальное произведение, посвящённое Герою Советского Союза, воевавшему в Афганистане, В.А. Востротину.

Слушая поэтов, невольно обращаешь внимание на хороший литературный язык

и бережное отношение к слову. Далеко не всем удаётся одним стихотворением установить такой контакт, когда с первой фразы переходишь с залом на «ты». В стихах, написанных современниками, сохраняется и народное слово, — это общие черты прозвучавших произведений.

Народ заметно стал поворачиваться к поэзии лицом, а это значит, что ответственность зодчих слова за общественное сознание повышается. И с этим не считаться уже нельзя. А потому хочется обратиться к руководителям разного ранга с просьбой обратить внимание и оказывать творческим литературным объединениям посильную помощь.

Людмила СНИТЕНКО

Серьёзная книга известного сатирика

Под занавес минувшего года в Москве издана новая книга башкирского писателя Марселя Салимова с интригующим названием «Книга, какой ещё никто не писал». Она вышла в канун его юбилея

Издание, осуществлённое под эгидой Интернационального сообщества писателей, журналистов и драматургов, вышло в свет в серии «Библиотека журнала «Российский колокол»».

«Бывает же такое: известный не только в нашей стране, но и далеко за её пределами мастер смеха, лауреат международных литературных премий имени Сергея Михалкова, Владимира Гиляровского (Россия), «Алеко» (Болгария), Николая Гоголя (Украина) и Эрнеста Хемингуэя (Канада) Марсель Салимов (Мар. Салим), отложив все свои важные смешные дела, вдруг взялся за

серьёзную работу — книгу о вечной любви. Точнее, не он сам, а его герой — тоже писатель, но не сатирик, а лирик. Что вышло из этого, дело ясное, — почти курортный роман о всяких любовных историях, с улыбкой познакомиться с которыми и предлагает своим читателям знаменитый российский юморист», — это из аннотации к книге.

Ранее «почти курортный роман» был опубликован в сборнике, который вышел с таким же названием в Лондоне на английском языке и презентован в столицах Великобритании и Швеции.

В новой книге использованы портрет и дружеский шарж юмориста, написанные

«Российский колокол» ориентирована на массовые продажи, продвижение творчества и призвана отразить литературные заслуги писателя.

заслуженным художником РБ Альбертом Кудяровым, а также портрет известного московского фотохудожника Левона Осепяна. Редактор — Анастасия Лямина, шеф-редактор журнала «Российский колокол». Тираж книги 2000 экземпляров. Она будет распространяться на ведущих порталах электронных книг, таких, как «ЛитРес» и «Лабиринт». Серия «Библиотека журнала «Российский колокол»

В конце книги опубликованы биографические сведения об авторе и «размышлизмы» из блокнота юмориста, где есть и такие слова: «К юмору отношусь серьёзно, заранее зная, что не смеётся тот, кто смеётся последним». Коллеги же Марселя Салимова и его добрые читатели смеются вместе с любимым автором, тем более что совсем недавно он отметил, можно сказать, серьёзный юбилей, 70-летие.

Прошедший литературный год для Мар. Салима был особенно успешным. Ему присуждены международные литературные премии имени Эрнеста Хемингуэя, имени Владимира Набокова и Евразийская международная премия в области культуры, литературы и науки, он стал победителем всероссийских и международных творческих конкурсов. Редакция ОЛГ от души поздравляет нашего давнего друга и автора с юбилеем.

ОЛГ

Такая вот она — всенародная любовь

Юбилей не может получиться скучным, если виновник торжества — интересная личность. В Доме Ростовых гостей встречала необычная конструкция, сооружённая из предметов, так или иначе повествующих о разных этапах жизни и творчества большого писателя, драматурга, режиссёра и телеведущего Валерия Иванова-Таганского

На пирамиде из знаковых вещей выделялись фотографии, на которых Валерий Александрович запечатлён на сцене Театра на Таганке, где он служил десяток лет под руководством Юрия Любимова.

Старт вечеру дал Юрий Коноплянников, заслуженный работник культуры России, заместитель председателя МСПС:

— Здесь, в сохранившихся интерьерах Дома Ростовых, витает дух далёкого времени, когда в обществе ценилось воспитание, образование и преданность Отечеству. Валерий Александрович хоть до мозга костей и современный человек, но эти «давние» ценности для него — главное, что вызывает уважение и почтение.

Юбилея поздравили народный артист России, художественный руководитель Молодёжного театра Вячеслав Спесивцев; заместитель председателя Совета министров Республики Крым, постоянный представитель президента в Республике Крым Георгий Мурадов и другие.

Более половины пришедших поздравить вице-президента Петровской академии наук и искусств — члены этой организации, которая

представляет собой возрождённую в 1992 году Академию наук и всяческих художеств, основанную Петром Великим. Валерий Александрович более десяти лет успешно возглавляет Московское отделение академии. Его заместитель Владимир Кузнецов вёл вечер. Группа из секции «Литература» преподнесла юбиляру «Шарф-историю» длиной пять метров.

Он был заказан у дизайнера Лужены Павловой, которая подарила юбиляру и ведущему ещё и оригинальные зимние шарфы.

Ведущий зачитал телеграмму, присланную из Санкт-Петербурга президентом ПАНИ, доктором философских наук А.В. Воронцовым, в которой он подчеркнул ценные качества юбиляра, «позволяющие быть безусловным лидером, вожаком, Данко, которому под силу вести интеллигенцию к свершению дел, в русле которых течёт гуманистический источник, способный напоить своими духовными идеями современное общество».

Под аплодисменты было озвучено решение наградить В.А. Иванова-Таганского премией имени М.В. Ломоносова.

Заслуженная артистка России Земфира Цахилова подготовила творческий подарок юбиляру — выступление воспитанников Центра эстетики и красоты, который она создала и возглавляет им вот уже четверть века. Её воспитанница Елизавета Петрова исполнила прекрасные песни, а Лера Битеева вышла в образе джигита и своим танцем завела юбиляра так, что он встал с места и лихо прошёл по кругу в образе лихого кавказского джигита.

Интересно было услышать другого сокурсника юбиляра — народного артиста России, первого заместителя председателя Союза театральных деятелей Евгения Стеблова и заслуженного артиста России Владимира Завикторина, который более пятисот раз выходил на сцену Театра «Содружество актёров Таганки» в роли Сергея Есенина в спектакле «Исповедь хулигана», поставленного Валерием Александровичем.

Из новых постановок юбиляра — в театре «Сопричастность» спектакль по его пьесе «Волчий круг», а в Республиканском русском театре драмы и комедии Калмыкии «Почём бивень мамонта».

Кстати, Валерий Иванов-Таганский состоялся и как телеведущий: на протяжении десяти лет он вёл передачу на 1-м канале «Искатели», выпустив в эфир 165 сюжетов.

Свой подарок — песню — преподнесла заслуженная артистка России Галина Улётова. Обозреватель ОРТ, лауреат Государственной премии России Сергей Лесков преподнёс юбиляру старинные издания российской прессы. Известный писатель, лауреат литературных премий и автор «Небожителей подвала» Леонид Сергеев подчеркнул особенность произведений Таганского.

Дополнил красками портрет юбиляра Георгий Цаголов, который выступил соавтором Таганского в пьесе «Казус Берии».

Продолжила череду поздравлений известный художник Елена Лебединская, поэтесса Людмила Снитенко, член Московского Союза художников Кира Гаврилова, выпустившая календарь на 2019 год, в котором каждая страница — о Валерии Александровиче. Такая вот она — всенародная любовь.

И наконец, директор издательства «У Никитских ворот» Олеся Емельянова и её заместитель Мария Должкова преподнесли писателю сертификат на право издания новой книги. Значит, надо писать...

Влад КРАСНОЯРСКИЙ

Когда все люди — братья

Начало на стр.1

Именно из этой книги становится ясно: поэтическое слово Бояринова произносилось не ради чистой поэзии — ради дружбы на земле, ради братской любви, ради мира и против войны. Не случайно же вместо предисловия и всяких прочих хвалебных од автор сборника рассказывает свой собственный сон. Он чудесен, наивен и сколько в нём боли за родину! Поэту кажется, что он знает, каким путём направить страну, чтобы всем в ней было хорошо, и путь этот — Поэзия, и он даже сумел убедить в этом президента...

Впился он (президент) орлиным взглядом в крылатую страницу и воскликнул:

— Надо помогать взаимопроникновению национальных культур и литератур! Это же очевидно! Если будут дружить поэты — будут дружить народы! Да это же настоящий национальный проект! Самый главный и безотлагательный!

Во сне всё возможно. Жаль, что не явь это, и не все сны сбываются. И чем ярче сон, чем больше в него (читай, в образ мыслей поэта) погружаешься, тем грустнее становится: не бывать этому. Увы.

Но наш поэт мятежен. Он не желает мириться с таким положением вещей, он выступает парламентом, ступает на баррикады. Потому что «один неординарный поэтический сборник по своей эффективности в 17 раз превосходит убийную силу установок «Град», — пылко убеждает он главу родного государства. Он знает о чём говорит, потому что он — «переводчик со ста семи языков бывшего Советского Союза».

Поэт свято верит, что всё ещё поправимо. Ведь его аргументы — не фантазия. Это самая настоящая боль. Так вот, чтобы не было потом мучительно больно, нужно, пока ещё не совсем поздно, дать слово поэтам. Пусть они дружат и пусть переводят друг друга, неся слово своего народа — другому.

И вот неслучайно же одними из первых в книге размещены украинские переводы. Как же они красивы, сколько в них мудрости! Нет, никогда поэт не сможет смириться с тем, что случилось. «Люди, люди, что вы натворили!» — назвал он своей раздел. Но стихи в нём — не горькие. Они же народные, а значит, в них заключена душа народа, его улыбки и радость, мудрость и светлая печаль.

Второй раздел «Когда поют горы» — это созвездие поэтов российского Кав-

каза. Среди них блещет лезвие стиха легендарного Сулеймана Стальского. В 2019 году классику исполняется 150 лет со дня рождения. И Джамалдин Яндиев тоже здесь, и Суюн Капаев, и Байрам Салимов и другие.

В разделе «Пою своё Отечество» — целая россыпь драгоценных поэтических имён бескрайней России: здесь кружат хором дружбы татарин Заки Нури, бурят Дамба Жалсараев, якут Иван Гоголев, тувинец Владимир Серен-оол, удмурт Василий Ванюшев, башкирка Гульфия Юнусова и другие.

Завершается книгу «Двоюродные братья» раздел «Близкое и дальнее», куда вошли произведения зарубежных поэтов. Здесь мы узнаем, о чём мечтают таджик Акбар Абдулло, болгары Валентин Качев и Станислав Пенев, азербайджанец Габиль и туркмен Ак Вельсапар...

Книга станет настоящей доброй вестью, шагая по тем странам, где звенит слово переведённых им поэтов. И протянется рука дружбы от Москвы до самых до окраин — от Кавказа и до Севера, и станут люди хоть чуточку ближе друг к другу. Они же все до единого — братья.

Елена СТЕПАНОВА

Утрата

Правление Московской областной организации Союза писателей России с глубоким прискорбием извещает о том, что на 57-м году жизни скончался известный русский поэт, полковник запаса, депутат Государственной Думы III созыва, член Союза писателей и Союза журналистов России, член Правления МОО СП России, вице-президент Международной академии русской словесности, член-корреспондент Академии поэзии Валерий Шитуев.

Выражаем искренние и глубокие соболезнования всем его родным и близким, всем поклонникам таланта. Скорбим вместе с ними.

Выбор времени

Искренность в литературной среде дело весьма сомнительное, но истинному поэту надо оставаться искренним до конца, хотя бы ради врагов и завистников своих, дабы и у них оставалась малая искра надежды на милость Божию

Эта неловкая мысль неожиданно явилась ко мне после прочтения замечательного стихотворения Ивана Перверзина, которое я просто обязан процитировать от и до, чтобы сразу ввести читателя в неповторимый мир большого поэта:

Не думал вспоминать о гадах,
Но вспомнил у родных могил...
И чувство горькое досады
Сполна душою пережил.

Все это — плохо и не плохо.
Не плохо, что насторожусь...
А плохо, что творя эпоху,
в плену иллюзий нахожусь

Как чёрту — чёртово, так гаду —
Лишь гадово, другого нет!
И всё ж заветной песни ради
Уйду я в солнечный рассвет.

Замру у липы, на опушке,
И замолчат на миг грачи, —
Пусть перечтут мои веснушки
Летающие с небес — лучи...

И вдруг мне непривычно станет
Покойно так и — хорошо...
Как будто не блуждал в тумане,
Да и вообще — не жил ещё...

И больше ничего не надо,
Чтоб жизнь и время ощущать —
Чтоб позабыть о старых гадах,
Но новых гадов не прощать.

И тотчас память моя чётко высветила осенние окна московских домов и роскошную квартиру крупного советского аппаратчика в районе Чистых прудов, куда я с поэтом Николаем Рубцовым был приглашён неким смутным любителем русской словесности на встречу с элитными, но пока не признанными градом и миром «гениями». Если честно, то ни Рубцова, ни меня, при нашем абсолютном безденежье, «гении» не вдохновляли, но вдохновляло отчётливо обещанное застолье, которое, с удовлетворением отмечу, не разочаровало, ибо не ограничилось жалким сухим вином и лимонадом.

А по ходу застолья молодые и средней потрёпанности «гении» яростно читали свои опусы, кто под гитару, кто под селёдку. И здорово читали. Как-то удивительно объёмно звучали напористые стихи с явным антисоветским духом и кукиши в адрес благодушной власти высказывали из карманов и отчаянно отплясывали рок-н-ролл с потасканными музами московской «подпольной» богемы. Чтение и мелодекламация оппозиционных опусов сопровождалась выкриками: «Гениально!!! Браво!!! Шедвр!!!» и т.п.

Дошла очередь до Рубцова и до меня. Николай прочитал, ставшее ныне хрестоматийным: «Тихая моя Родина...», «В горнице моей светло...», «В минуты музыки печальной...».

Реакция публики была уничтожительной: «Перепевы Есенина — Исаковского... Отработанный пар русской классики... Подражание Тютчеву... Банальность», ну и т.п., не менее глупое и обидное. Нечто

подобное перепало и в мой адрес, но, как ни странно, в более мягкой форме. А итог нашему выступлению жёстко подвёл некий плюгавый перестарок, явный главарь тусовки: «Прошло ваше время, ребята!.. Ха-ха-ха!». Уверен, будь с нами Иван Перверзин — и прочитай что-нибудь из своей ранней лирики, то услышал бы нечто типа: «Певец таёжных улусов... Покровитель дроздов и синиц... Мастер по ремонту сельхозтехники...», ибо московская поэтическая элита тех лет, впрочем, и нынешних, славилась и славится умением клеймить чуждое по духу и непостижимое их очуждебившимся мозгам.

И как-то не впрок шла дармовая водка в тот вечер ни мне, ни Рубцову, как баня без воды и пара, — и малость ошарашенные и невыносимо униженные, мы, не прощаясь, покинули высокородное сборище грядущих «гениев».

— Вот гады! Хозяева жизни, мать твою! — мрачно выругался Рубцов.

— Не гады, а гниды! И не хозяева жизни, а хозяева смерти! — возразил я товарищу.

— А знаешь, ты, наверно, прав... — задумчиво сказал Рубцов, резко, как нечто абсолютно бездарное, рубанул рукой осеннюю тьму и добавил с тихой усмешкой:

— Ишь ты, наше время прошло...
— Даже если наше время прошло, то их время никогда не настанет!.. — ободрил я Рубцова — и, как ни странно, не ошибся.

Где-то нынче все эти «гении», в каких пределах со своими «яростными» антисоветскими стишками и нагло-сакской безапелляционностью? Вне времени и вне поэзии, в общем, как говорил, великий Маяковский «... в окаменевшем дерьме!». А Николай Рубцов — классик на все времена! О себе, многогрешном, скромно умолчу, ибо совсем недавно совершенно случайно встретил некоего Марка, одного из заводил тогдашних московских тусовок, который сквозь зубы поздравил меня не помню уж с чем, злобно посетовал на неправильный выбор времени и в звании вечного доцента растворился в осенней мороси, словно испугавшись строк Ивана Перверзина:

И вдруг мне непривычно станет,
покойно так и — хорошо...
Как будто не блуждал в тумане,
Да вообще — не жил ещё...

И больше ничего не надо,
Чтоб сердцем время ощущать,
Чтоб позабыть о старых гадах,
Но новых гадов не прощать.

Ну не виноват, не виноват Иван Перверзин, что на рубеже тысячелетий по неведомым нам метафизическим законам время выбрало именно его из сонма жаждущих оказаться на русском Парнасе. А, впрочем, виноват! Виноват, что родился поэтом, ибо истинный поэт — это всегда вина перед нечистью и чернью. И как сказал я когда-то, читая стихи Ивана Перверзина:

Не виноват, что стал поэтом,
Но виноват, что человек!..

И ещё вспоминаются мне непотребные, «лихие», в смысле лиха, девятилетние годы, когда одуревшие от мнимой свободы, известные и малоизвестные стихобрёхи, заполонив литературное пространство, грохотали подобно пустым, тухлым бочкам по бульжной мостовой,

до срыва ржавых обручей, до полной россыпи, с тупой уверенностью, что время выбрало именно их, и о которых я в сердцах сказал:

Бездарны, ну во всём до неприличия,
Но гениальны в мании величия!

Но не заглушил пустой, бессмысленный грохот смутного времени пронзительную музыку стихов Ивана Перверзина. Её услышали великие люди нашей эпохи — Илья Глазунов, Валентин Распутин, услышали настоящие поэты, композиторы и певцы. И в первую очередь, выдающийся русский композитор Александр Морозов, положивший на ноты шедевры Николая Рубцова, а вслед за ними лучшие стихи Ивана Перверзина. Ну разве может оставить равнодушным человека, слышащего сердцем музыку русского слова, вот это стихотворение:

Как в первый раз я слышу птиц,
шаги и говор пешеходов,
и зорко вижу без границ —
глубь золотую небосвода.

Вот что такое воскресать,
считай, что из объятий смерти,
когда лишь можно пожелать
совсем не сдохнуть в круговерти!

Ну а точнее, — ни-че-го!..
Поскольку разум,
как в отключке...
И мрак, по милости Его,
острей, чем горные колючки.

Но вот полоска то ль зари,
То ль утра, я ещё не знаю,
Но тихо чувствую внутри,
Там, где душа, что оживаю...

Потом — ну просто чудеса! —
день возникает, словно тайна,
таким, каким с ним полчаса
назад простился я печально...

О, жизнь родная, никогда
ты не была добра со мною...
Не потому ль моя беда —
не стала гробовой плитой?..

Или вот это трагически-оптимистическое:

***

После смерти временной, после —
Треволнений, бьющих извне,
Я не где-то у радости возле,
А в её легкокрылом огне.

Подфартило, так подфартило, —
хоть пускайся в задорный пляс!
И пуцусь, ведь от чёрной силы
свою душу не зря я спас.

Пусть душою не унижался,
но побитой собакой скулил...
В общем, если б не состоялся,
то давно б эту жизнь разлюбил...

А теперь помогу любому,
кто бессовестно бит судьбой, —
лишь бы время по-молодому
обернулось красой живой.

Мою душу Господь приметил, —
и пускай — на самом краю...
Но любовь я в страданье встретил
и поверил в любовь свою!

Или вот это страстно-проникновенное:

***

Мне дождь упрямый не помеха —
пускай хоть сутки льёт и льёт.
Как будто солнечное эхо
на сердце молодо живёт.

Всё в этой жизни проходящей
с любовью надо принимать,
чтоб состояться в настоящем —
и свет грядущего познать!

Мой взгляд на жизнь, увы, не новый,
но выстрадан всем прошлым, где
я в поисках любви суровой —
горел в огне, тонул в воде!

И пусть простит меня Всевышний,
что не дорос до медных труб.
Но это, думаю, излишне,
когда я даже смерти люб!

И если процитированные стихи ещё не положены на музыку, то уверен, что это время не за горами.

Истинная любовь не знает пределов, и в этом её главная сущность в отличие от страсти, чьи пределы во времени земном и неземном ограничены.

Кто мало любит, тому мало прощается. Смерть есть ложь в жизни человечества. Только любовь может противостоять смерти и победить её. Но как не проста эта победа! И порой цена победы — жизнь человека. Это чётко понимает Иван Перверзин, как поэт и как человек. Но не только понимает, но противопоставляет мировому злу в каждом своём стихотворении, ибо добро вечно, а зло — временно. И трагедийный накал его произведений не от безысходности планетарного бытия, а от стремления постигнуть истинную его природу, ибо зло не является явлением метафизическим. И если, порой, какие-то строки поэта взрывают сознание отчаянной откровенностью, например: «Как ни думай, но в злой несвободе эта жизнь, словно пуля в висок!», то не будем упрекать его в унынии, а вспомним вещице слова великого Александра Блока:

Простим угрюмство, разве это
Сокрытый двигатель его...
Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!

И здесь стоит сказать об иллюзорном выборе между свободой и несвободой:

«Я выбираю свободу!» — велеречиво исторг любимец московской тусовки, ловкий литературный шабашник и убогий, занудный бард Александр Галич, столетний юбилей которого недавно с помпой отмечала вся так называемая «прогрессивная» общественность, т. е. остальные шестидесятники — слухачи, стукачи, крысятники и их тупые последыши.

Надо же: «Я выбираю свободу!» И выбрал — убрался во Францию, чтобы злобно вещать на антисоветской радиостанции «Свобода» о том, как плохо килось ему в России. Что-то не спешил он выбирать «свободу», когда огульно травил Пастернака, а получал Госпремию за сценарий фильма «Весна на Заречной улице» и за прочую халтуру, типа песни «Вас вызывает Таймыр», благополучно гулял в ресторанах Дома кино, ВТО и ЦДЛ — даже под одеялом пикнуть не удосужился в защиту опального гения. Но, по прошествии лет разразился гнусной мелодекламацией под

гитару, слоняво оплакивая великого поэта, которому коммунистические злыдни якобы разрешили умереть в собственной постели, а не в ГУЛАГе. Впрочем, забудем об этом литературном пердухе ради краткости и краткости изложения!

И всё же весьма удивительно, что во времена последние отец лжи как-то очень ловко внедрил в человеческое сознание и бессознание, что совесть и свобода как бы совершенно чужды друг другу.

А ведь совесть т.е. со-весть — глас Божий в душе человека и есть высшая свобода. Совесть можно иметь, можно не иметь, но никак не выбирать путём «демократического» голосования и прочего антисоветского бреда больных на голову оборотней.

Иван Переверзин как личность сложился в советские годы — и не в ресторанах Дома кино, ВТО и ЦДЛ, а с малых лет в тяжёлых крестьянских трудах — на скудной северной ниве, в бескрайней тайге, в ледяных бездорожьях, на грозных ленских берегах. И не выбирал свободу, жил, работал и творил не в угоду властям, а по совести, в отличие от сонма завистливых стихобрёхов и прочей нечисти, которых строгое время безжалостно обратило в гнилую пыль, которым упорно мешала талантливо писать то советская власть, то антисоветская.

Ивану Переверзину, как истинному поэту, ничто не мешало жить честно, творить талантливо.

И на одном дыхании рождались светосные строки:

Божья вера

Зря надежду не тешу,
что в грядущем году
всё обдуманно взвешу —
и любовь, и беду, —
а потом, будто в воду,
окунусь с головой
в жизнь, что дарит свободу,
но уносит покой.

Вновь огонь вызываю,
как в бою, на себя,
но из тьмы воскресая,
всё живое — любя.
Пусть в лицо гром и пламя,
пусть изранена грудь, —
озаряет, как пламя,
Божья вера мой путь.

Этим богоданным светом наполнены лучшие его стихи.

Как-то мне предложили составить Антологию русской поэзии конца XX века и начала XXI-го. Я не раздумывая согласился — и... и... и... — чем дальше углублялся в работу, тем больше озадачивался. У большинства стихотворцев, чьи имена были на слуху, кто несокрушимо числился в известных современных поэтах, с великим трудом удавалось найти три-четыре стихотворения, более-менее выдерживающих проверку временем. И только с Иваном Переверзиным и ещё с немногими творцами у меня не было проблем, скорее, наоборот, ибо объём персоналий в антологии был строго ограничен. И это были поэты, следующие традициям русской классики. И не случайно первым литературным отличием Ивана Переверзина стала всероссийская премия «Традиция», ныне почему-то недействующая. Впрочем, понятно почему, ибо засилье бесплодного постмодернизма перешло все грани разумного.

И вообще лукаво звучит: «известный современный поэт» или «видный поэт нашего времени»!.. Настоящая поэзия вне современности и так называемой, ха-ха, злободневности (почему, однако, не добродневности?), настоящая поэзия всегда во времени вечном.

Во времени вечном живёт и творит большой русский поэт Иван Переверзин. До конца отдаёт себя слову отчужденности и вечности Божьей, ибо душой прозревает, что для Бога человек должен жертвовать решительно всем в этой жизни, что в истинной любви блаженнее отдавать, нежели получать.

И что сказал, то сказал!..

Лев КОТЮКОВ

«Во тьме ночной открылось мне виденье...»

В Болгарии сложилась добрая традиция, когда на протяжении уже 50 лет, каждый год 13 января, в день рождения великого болгарского поэта Пейо Яворова, в его родной город Чирпан приезжают творческие потомки, любители поэзии со всей страны и зарубежные гости, чтобы поклониться поэтическому таланту классика

Приезжают, чтобы возложить свои поэтические «цветы» к памятнику поэта и гуманиста, осознавая, что такие цветы не увядают.

В болгарском культурном календаре этот день выделен особым цветом неразрывной связующей нити духовного прошлого с современной поэзией. Перед памятником во дворе дома-музея Яворова зажигается символический факел поэзии. Люди подходят к его поэтическому огню, чтобы отогреться от холода отчуждения. Предельно ясно: поэт Яворов бессмертен! И нация жива, пока помнит своих бессмертных героев!

Народ напрасно никому не воздаст ни признания, ни любви. Бесспорно, каждая национальная литература имеет ярких своих светочей. В болгарской литературе поэт, который соразмерен с самыми высокими стандартами сокровищницы мировой литературы — Пейо Яворов. Много различных интерпретаций и объяснений «почему». Гений не объясним.

Я не живу — горю. Непримиру
В моей груди враждуют две души:
Возвышенный мой дух и демония,
Пылая, грудь стремятся иссушить.

Двойное пламя жжёт неукротимо,
Двойное сердце в камне слышу я,
Мучителен мне груз невыносимый
Противоборств двойного бытия.

Прах разметёт не удержишь ветер,
Следы за мной засыплет он золой.
Я не живу — горю. Мой след на свете —
Лишь пепел в бесконечности земной.

(«Две души»)

Особенность поэзии Яворова — это не строки, без которых можно спокойно обойтись, — это ключ, огромный ключ к воротам храма болгарской поэзии. Это те «рамки», в которые мы условно помещаем яворовское творчество и жизнь названную Ф.Достоевским — вселюбовь! Любовь — до страсти, до

самосожжения души, до самозабвения, до испепеления.

Соорганизатором поэтических торжеств с муниципалитетом города Чирпан, где родился почитаемый народом поэт, является Славянская литературная и художественная академия, которую возглавляет известная болгарская поэтесса Елка Няголова. Идея единения славянской культуры, заложенная в основе создания и деятельности Академии, нашла широкий отклик во всём мире и особенно ярко проявилась в эмоциональном подъёме болгар во время поэтических чтений переводов на близкие общими корнями языки.

Кульминацией программы становится выступление болгарских поэтов и гостей, когда люди физически ощущают начало нового этапа укрепления духа и поступи единения, которым исконно крепко закон любви. Идеалистические основы этого закона не менее крепки, чем сама жизнь.

Тоской мой разум изнурён устало,
И нет в груди уже не капли сил,
И от бессилья мне тревожно стало,
Как будто вечер сумерки стусил.

Развевал дремоту морскую ветер,
И покатила бледная луна,
И ветру сонный плеск волны ответил,
И к берегу качнулся борт челна.

И опьянил волны накатный шёпот,
Позвал он в край далёкий за собой
Туда, где неизведанные тропы,
В пустынный одиночества покой.

И там — целует пусть простор
открытый
Меня печальным отблеском луны,
Поднимет ветер мысли до молитвы,
И укачает всплесками волны...

(«Желание»)

Это стихотворение не просто о любви. Это учебник поэзии. Потому что высокие светлые фразы в нём — не прописные истины, они направляют свою закодированную энергию прямо в сердце. Зрители, прекрасно знающие оригинальный болгарский текст, чувствуют мелодию стиха на других языках и принимают её. Смешанная речь эмоционально захватывает слушателей, и образуется общность людей, основой которой становится слово Пейо Яворова.

Можно дать много определений его литературному наследию. Но эти определения вряд ли нужны. Слишком высока его литературная фигура и так интеллектуальна жизнь поэта, чтобы пытаться искать в его творчестве тематические жанры и деления.

Во тьме ночной
открылось мне виденье:
Сквозь белую завесу пустоты
Две тени проступали отраженьем
Луны, горячей солнцем, и звезды.

Стояла тень одна перед другою,
Одна — в истоме жаждала другой,
Мужчины тень и женщины — с тоскою
Приникшей тенью к тени.

Нет, там не я, не я!.. Бесплотно
Теней витает рой передо мной,
Бесцельно жаждет он земной покой...
В видении минутном мимолетно
Встречаю сожаленье и испуг.
И бесконечен мимолётный круг.

(«Видение»)

Важным событием становятся презентации новых книг, переведённых на славянские языки. Таким на этот раз стал сборник стихов Пейо Яворова, изданный Славянской академией. Эти переводы современны и актуальны. В них удивительным образом реальность сочетается с возвышенным романтическим чувством. В глубоких строках соединяется народное поэтическое творчество с яркой образностью. Пейо Яворов будто узрел свою судьбу.

На запад солнце луч последний клонит
В предчувствии дыхания ночи:
С востока темнота на небо сходит,
И душу зябко зноем холодит:
В ночи бледнеет очертанье дня,
Не встанет солнце больше для меня.

День принесёт страдание в груди
И обратит живое в сизый прах,
Заплачет мать, дитя на свет родив,
В своём плоде бесплодие познав.
Плачь, женщина,
на выжженной земле,
Затихнет без ответа плач во мгле.

И солнце снова над землёй взойдёт,
Но для меня уже окончен путь,
Рассвет лучом мне небо не залёт,
Но это не смутит меня ничуть...
Я ужас в чреве матери познал,
Без страха я на землю свою пал.

(«Предчувствие»)

Слово и жизнь стоят рядом перед алтарём Отечества. Эта поэзия — не просто сочувствие национальной драме, а переживание её как своей личной трагедии, полное слияние с ней.

Бережно директор музея Тодор Иванов и его верные помощники хранят дом поэта, его личные вещи и рукописи. Широту души жителей маленького городка мы ощущаем по тому, как они тепло принимают каждое сказанное на разных языках слово об их любимом земляке, строки которого бережно несут в своих сердцах.

Душа моя, пленённая смиренно
Твоей душой! — Отныне стала пленной.
Глядит моя душа в твои глаза,
Моля любви, любовью заклиная,
В молитве жаркой к вечности взывает...
Не трогает тебя моя слеза.

Зной иссушает душу жгучей жаждой,
Но нет ответа на призыв мой жадный.
Твоя душа — дитя и божество...
И властвует в твоих глазах молчанье,
И не смущает душу ожиданье
Своей любви волшебной торжество.

(«Волшебница»)

В заключение незабываемых дней поэтического поклонения Пейо Яворову, было принято решение ближе знакомить славянские народы с бессмертным наследием других великих поэтов, чтобы крепко дружба и творческие контакты между нашими народами.

Людмила СНИТЕНКО
Перевод стихов Пейо Яворова
осуществлён автором публикации

В рамках издательской программы МСПС готовится к выходу двухтомник большого русского поэта Валентина Сорокина, снискавшего признательность в международной литературной среде и восхищение за своё «обжигающее русское слово». Новые книги получают названия «Чаша судьбы» и «Тоска по крыльям». Больше тридцати лет Валентин Васильевич вёл Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького. Сам выходец из народа, прошедший заводскую закалку у мартеповских печей, он стал настоящим державным поэтом, искренне выражающим свои надежды в богатырских героических поэмах «Евпаний Коловрат», «Дмитрий Донской», «Оранжевый журавлёнок», «Огонь», «Палестинец», «Судьба», «Обелиски», «Дорога», «Дмитрий Донской», «Былое», «Бессмертный маршал» (Георгий Жуков).

«Поэт громкий и мужественный, — скажут о нём современники. — Природный уральский самородок, закалённый в огненной доменной печи.

Иных он опаляет огнём своего мартена, других восхищает имперская плавка его поэзии. Поэт каслинского литья, самой высокой пробы».

За книгу «Хочу быть ветром» Валентин Сорокин был удостоен Государственной премии РСФСР. Лауреат премий имени М.Шолохова, А.Твардовского, В.Фёдорова.

Стихи Валентина Сорокина переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию подборку из его нового двухтомника, который ещё ждёт своего читателя.

— Валентин СОРОКИН —

«Всё из огня, и всё уйдёт в огонь!»

Стихотворения разных лет

***

Вечер тёплый, вечер снежный,
Вечер лунный и большой.
Как мне быть с такою нежной,
Непослушною душой.
То поёт она, то плачет,
То звенит во тьме густой.
По равнине тройкой скачет,
В небесах горит звездой.
То зелёною травинкой
Так дрожит она вдали,
Что склоняюсь я повинной
Головою до земли.
Не во мне ль нашли сплетенья
Все пути, все рубежи,
Мировые нетерпенья,
Грозные мятежи.
Хлопья снега на ладони
Я держу, а в стороне
На ветру шумит и стонет
Мать-берёза обо мне.

Ладони Урала

Очень горько, когда непогода,
Дождь и сырость, и слякоть, и мгла.
Словно жизни святая свобода
Навсегда в черноте залегла.

Словно был ты и не был, и дали,
И окрестных пригорков леса
Отзвенели уже,
отверкали
На прощание — прямо в глаза.

Я, захлёстнутый пламенем боли,
Всё утратил, что радостно нёс,
И летящее русское поле,
И мятежные крылья берёз.

Но, рождённый на звёздной дороге,
На ладонях Урала во мгле,
В этот миг и тоски и тревоги
Ничего не боюсь на земле!

Мне ли трудно понять, что ушедшим
Больше в мире покоя дано?
Без таких вот, как я,
сумасшедших
Охладело бы солнце давно.

Гороскоп

«О, мой белый и тонкий Лель...»

Ваши стрелы не тронут меня,
Не пронзит, не погубит молва.
Я родился под знаком Огня,
Под могучим созвездием Льва.

Грудь мою целовала в метель
Василиса, на санках лета.
Что мне тощий, измученный Лель —
Слепоты и бесстрастия дитя?

Вам, не знающим преданных слёз,
По-мужски не ласкавшим невест,
Не услышать лебяжьих берёз,
Надо мною шумящих окрест.

Я не прячу ножа под полой,
Воры совести, карлики тьмы,
Не призваньем, а вздорной золой
Обессонены ваши умы.

Хоть брани вас, хоть громко проси,
Не поймёте в рутинных неволь, —
По таким вот, как я, на Руси
Тосковала бунтарская голь.

Подводила на сходках коня,
Говорила державны слова.
Я родился под знаком Огня,
Под могучим созвездием Льва.

***

Не боюсь я ни беды, ни смерти,
Жил, как дрался, плача и круша.
Выноси меня из мелковерти,
Русская отважная душа.

Никого не хаю, не ругаю.
— Здравствуйте! — открыто говорю.
Всем, кто пал на фронте, — присягаю,
Кто меня травил — благодарю!

Вот сомкну глаза — куда же деться! —
Разрывая сумерек струну,
Вновь стучит ошеломлённо сердце
Через полуночную страну.

Уличаю, а не обличаю,
Жду я славы для своей судьбы,
Родину пою и величаю,
Вскинутую мощью на дыбы.

Давче в небе самолёт крутился,
На равнине колосился хлеб.
Я родился — враг перекрестился,
Чёрный ворон вздрогнул и ослеп!

Всё из огня

— Всё из огня, и всё уйдёт в огонь! —
Мой дед, бывало,
молвил на гулянке.
И высекала глыбная ладонь
Огонь любви из крохотной тальянки.

Огонь любви к берёзам и полям,
К застенчивой девчоночьей улыбке,
К нахимовским ревушим кораблям
И к русичам,
что полегли у Шипки.

Но умер дед внезапно ясным днём,
Прославя мир гармошкой и делами.
И я зажгён в знак памяти о нём
Огромное неистовое пламя.

Оно южжит, вскипая и звеня,
Гудит и стонет,
как в грозу антенна.
И полонила юного меня
Клокочущая музыка мартена.

Огонь, огонь, то розовый с краёв,
То рыжий под седыми небесами,
От всполохов,
багряных соловьёв,
И жуткий свет и тьма перед глазами.

О соловьи, жестокие огни,
В искрящемся, текучем, звёздном иле!
...Как я боюсь, чтобы меня они
В нежданный миг совсем не ослепили.

Мне говорить о Родине

Мне говорить о Родине — как петь,
Как тысячу слепых врагов иметь,
Да, тысячу, да, тысячу врагов
С грохочущих заморских берегов,
Где царствует и золото, и ложь,
Уравновесить — на весы положь!
Мне говорить о Родине — как петь,
Как миллион товарищей иметь.
Кровь русская недаром пролилась
И на востоке пламенем взялась.
На западе знамёнами взошла,
На севере снега зарей зажгла.
На юге заалела, занялась,
Кровь русская недаром пролилась.
Мне говорить о Родине — как петь,
Как звонкий лук, как тетиву иметь —
И поверять сквозь лающую мглу
Великой речи грозную стрелу!..

Иван-да-Марья

День наполнен синевою.
Лезут тени в погребя.
Ухожу я с головою
В придорожные хлеба.

Загустелая пшеница
Плещет волнами в зенит.
То под ветром серебрится,
То вздыхает, то звенит.

Пахнет клевером и пылью,
Острой сдобой солом.
Солнце огненные крылья
Распластало над селом.

Веет бор смолистой гарью,
Пни угрюмые крепки.
И цветы Иван-да-марья
Тихо бродят вдоль реки.

По цветам заря гуляла,
Потому из немоты
Светят розово и ало
Те высокие цветы.

В глубях знойного тумана,
Поднимись-ка в полный рост, —
Кроме Марьи да Ивана —
Никого на сотни вёрст...

Медуника

Ливень вымоет леса.
На поляне полудикой
Прорастут твои глаза
Одиноким медуникой.
И в негромкой стороне,
Умудрённые веками,
Ветры память обо мне
Пронесут за облаками.
Будет вечер, синева,
Будет солнышко смеяться.
Соловьиные слова
Снова будут повторяться.
И весёлая, как есть,
Жизнь продолжится земная.
Медуника будет цвести,
Ничего о нас не зная.

Подсолнухи цветут

Подсолнухи искрятся и цветут,
От них заросший золотится пруд.

И золотое поле льётся, льётся,
И солнце под короною смеётся.

Ему, большому, с четырёх сторон
Кивает малых тысячи корон.

И ты идёшь, на голове корона —
Сошла, царица,
с неземного трона.

Июль, июль, тревожный лунный свет
От звёзд и соловьёв спасенья нет.

И мы лугам, подсолнухам дивимся:
Они цветут, и мы —
не повторимся!

***

Лунный шар укатиться хочет,
Вдалеке по холмам звеня,
Ощущенье тоски и ночи
Так охватывает меня.

Солнца не было, на поляны
Залегла от ненастья тень,
И, наверно,
ужасно пьяный
Дождь раскачивался весь день.

И печалились в роще птицы.
И желалось мне горячо,
Изнурённому,
чуть склониться
На родное твоё плечо.

Сколько помню боёв несносных,
Сколько в них изломал мечей.
Точно воин в доспехах грозных,
Вновь свободен я и ничей.

Не обманет надежда наша,
Если знаю я об одном:
Ты — моя золотая чаша,
С древним горьким,
как жизнь, вином!..

Тропа любви

Когда соскучусь я и затоскую,
Счастливой тайне радуясь при всех,
Представлю вдруг Остоженку,
Тверскую
И на бульваре Гоголевском снег.
И ты опять близка и постижима:
Запрета нет!..
Да и смущенья нет!..
И на тебя летит неудержимо
Рождественское солнышко и свет.
Взмахнет крылом обиженная птица, —
Нам ликовать,
а ей грустить одной.
И голос твой звенит и серебрится,
И дышат губы страстью и виной.
Мы юные,
но мы не молодые,
Тропа любви свободна и чиста,
И в белой мгле шеломы золотые
Над павшими склоняет Храм Христа.
Ты замолчи,
прижмись ко мне и снова
Мы поцелуй разделим на двоих.
Ведь успокоит нежность, а не слово
Немые стоны ревностей моих.
Быть трепетно-желанными друг другу,
Быть русскими и верными в краю,
Где, мы ещё не пережили вьюгу,
Что расшатала Родину мою!..

Грустят берёзы

А под Москвой гуляет осень...
В ней столько тайн и волшебства.
На длинных иглах старых сосен
Повисла бусами листва.

Грустят берёзы над обрывом.
И перезвон, и непокой.
И, словно огненные гривы,
Схлестнулись травы за рекой.

Холмы утрюмо и мохнато,
С тяжёлым клекотом
внутри,
Свалили каменные латы,
Как перед сном богатыри!..

Соборы тяжкими крестами
Подпёрли
дымчатую грусть,
И золотистыми устами
Здесь разговаривает Русь.

И одиноко на опушке,
Ещё не дав разбег перу,
Беспечно бродит юный Пушкин,
Рассыпав кудри на ветру.

***

Есть опыт неподатливей металла,
Он выгранен безжалостной судьбой.
И если мне отваги не хватало,
То я виновен — лишь перед собой.

Как танк, в боях покрытый гарью тёмной,
Я вышел в годы нервной тишины.
Но все мосты дороги неуёмной
Пока ещё ничуть не сожжены.

Хочу я ветра, свежести и звона,
Тревожистого шума камыша.
Я точно знаю: даже у бетона
Там, в глубине, имеется душа.

Через беду вела меня удача,
Через боязнь — безумия тропа.
И проклят тот, кто, ничего не знача,
Давно смирился с участью раба.

Среди грядущей славы иль бесчестья,
Вблизи любимой женщины одной —
Жить и звенеть, как холм весенней вестью,
Иль океан рождённой волной.

Стал я замечать

Стал я замечать, в судьбе пустой
Внешний вид претензией подкрашен:
Человек талантливый — простой,
Человек бездарный — часто важен.

Не звени медалями, дурак,
Зверя не буди, не гневай Бога.
Лживая награда — это брак,
Честная, скажите, разве плохо?

Я входил в призвание, как в лес —
Дедовский, отцовский, волновался!
К егерям маститым я не лез,
Браконьерам я не поддавался.

Лося ли от пули уводил,
Оберёт ли журавля в болоте, —
Был один, и ныне я один,
У седых страданий на работе.

И когда ордынская гроза
Разбивает молнией вершины,
Плачут и кричат мои глаза,
Думы движутся, несокрушимы.

Грудь болит, а впереди сумёт,
Что награда, если вся награда —
Кровь России, тем, кто вдруг поймёт,
Ну, а не поймёт, так и не надо!..

К уезжающим

Россия наша бедами объята,
Но с нами Бог и солнышко надежд.
Не предавайте Родину, ребята,
Её вам не заменит зарубеж.
Желаю вам я верности и силы
На каждый миг, на каждый день и час.
Не предавайте братские могилы,
Защитников Отечества и нас!
Бессмысленны успехи и страдания,
Тропа судьбы и добрый звёздный свет,
Ведь без любви к России нет призванья

И счастья нет, и человека нет.
Я никаких заветов не нарушу,
Отвергнув олигархов перелёт:
Богатый тот, кто подвиг свой и душу
В родном краю России отдаёт.
Что в жизни нашей может быть дороже:
Банкирский шик иль воинский гранит?..
Богатый тот, кто Родине поможет
И русский меч Победы сохранит!
Цинична совесть и нахальна воля,
И дьявольская доля у того,
Кто на пути от нищеты и боли
Не защитил ни разу никого!

***

Не смогу разлюбить, хоть убей,
Потому что родился не чёрствым.
Эту

синнюю
сонность
степей,
Эти звёзды, берёзы и вёрсты.

Самолёт, паровоз ли, такси
Наплывает внезапной крушени.
И недаром вовек на Руси
Выше господ бога —
движеньё!

Кувьркается ветер во ржи,
Голосит над болотами чибис.
Ну скажи мне,
скажи мне,

скажи,
Где бы мы доброте научились!

Ни одной не запомню страны,
Ни одной не пойму я державы.
Мне ведь даже в могиле нужны
Только наши поля и дубравы.

Словно в речку, войду я в траву,
Тихо трону ладонью ромашку.
И почти как в бреду,

разорву,
Переполненный счастьем,
рубашку!

Тоска по крыльям

Чего судьба мне только не давала,
А жизнь моя, как прежде, нелегка.
...Оплаканные синью перевалы,
Наполненные солнцем облака.
Красавицу уже не покорю я,
В доме Кашея не взломаю дверь...
Вот сяду под скалой да погорюю,
Подумаю, что делать мне теперь.
И, подсмотрев, как снова я не плачу,
Седой Урал, по-стариковски прост,
За молодость, не знавшую удачи,
Преподнесёт озёрный ковшик звёзд.
Он скажет громко: — Выбирай любую! —
Но я устало руку отведу.
Ведь я ищу не просто голубую,
А самую бессмертную звезду.
В полночный час над луговым простором,
В горах дремучих, где шумит река,
Её, наверно, видел только ворон
Да ветер, пролетевший сквозь век.

***

Есть в женщинах духовных высота,
Не только ты, но мир её услышит.
И высота у них, та красота,
Что красоты иной намного выше.

Я натиска красивых не люблю,
В нём злость, не боль,
Вина, а не мятежность.
Я женщину красивую леплю
Через разрыв, страдание и нежность.

Момент свергающейся красоты —
Когда нахальствует себяподача,
Перед небесной сутью высоты
Впрямь никогда и ничего не значит.

***

За каймою берёзовой, чёрною,
Белый снег, белый снег, белый снег.
Ну, пожалуйста, будь ты покорною
Для меня, не для всех, не для всех.
То не вечер над полем ступается,
Не туманами плещут моря,
А печально и трудно прощается

С древним миром жар-птица, заря.
Польхает окошко и светится
Через ветер в январскую ночь.
Вот и снова сумели мы встретиться,
Словно в горе друг другу помочь.
Скоро звёзды, морозом умытые,
Загорятся, и станет видней.
Этот вздох, что под кофточкой вытаял,
Я пронёс через тысячи дней.
За каймою берёзовой, чёрною,
Белый снег, белый снег, белый снег.
Ну, пожалуйста, будь ты покорною
Для меня, не для всех, не для всех.

Ты — моя

Будь со мной, как синева с волной,
В чувствах и в движениях красива,
В миг тоски почти невыносима,
Будь всегда, пожалуйста, со мной.

Ты моя — призванием моим,
Мужеством, терпением и нежностью,
Ревностью,
безумием,
мятежностью,
Словно стон — дыханием одним.

Ты — моя любимая страна,
С ливнями, полями и лесами,
С реющими в море парусами,
Только мной навек покорена.

Ты — моя весёлая весна,
Где ручьи звенят и птицы кружатся,
Над землёю облака упружатся,
Травы пробудились ото сна.

Будь со мною, лёгкая, как лист,
Будь со мною, добрая, как мама,
Я один искал тебя упрямо,
Храбрым сердцем совестлив и чист.

Купола кремля

Купола кремля золотоглавы.
Голубой, теплящий ветровей.
Никогда не посрамлю я славы
Родины восторженной моей.

Дух её в святых, победных драках
До горячей вражеской земли
На подковах,
на мечях,
на траках,
Красные гвардейцы пронесли.

Грянет бой, и я, от гнева пьяный,
Задыхаясь в пушечном аду,
Где-нибудь на звонкие поляны
Раненный под сердце упаду...

Ходят тучи, и железным градом,
Может, завтра брызнет круговерть.
Самая высокая награда —
За Россию в схватке умереть!

***

А я в страхах и думах отрезвился
И, от рожденья сельского не лжив,
Взглянул вокруг и резко удивился
Тому, что я не выброшен и жив.

Река судьбы моей не обмелела,
Она полынным горем глубока,
Над ней светло когда-то детство пело
И к солнышку летели облака.

Черемуховой роздалью метельной
Она дышала в майские края.
Склонялась мать над нею с колыбельной,
Вся золотисто-лунная, моя.

И шар земной крутился по орбитам.
В окно крылами трепетала ночь.
И никаким, закрытым иль открытым,
Врагам дорог моих не превозмочь.

В часы тоски я понимаю снова,
Те вороны, которые косят
И стать мою, и поднятое слово,
Лишь ошибусь — позором отомстят.

Но будет миг высокий на рассвете,
Среди могил у прадедовых плит
За всё, за всё, о чём расскажет ветер,
Моя земля меня благословит.

Он был беспощадный, был выше, и был человечней врагов...

Как горько совпадают эти две даты, два юбилея —
провыв блокады Ленинграда и день рождения Олега Шестинского

Горько, потому что память об одной из самых великих рукотворных трагедий в истории человечества просто невыносимо предать забвению, стереть из истории. Уход же из жизни друга — это уже боль личная. Но Шестинский весь срок страшной голодной блокады оставался в осаждённом Ленинграде, и потому эти два события во мне соединились навсегда.

Мы подружились как-то сразу, открыто, доверительно. Как всегда бывает в таких случаях, первым делом обменялись своими книгами. Сначала отсылали их по почте, а потом уже и при первой личной встрече. Тогда же, после прочтения прозы о моём ярмарочном нижегородском детстве — отчаянном и никому не подконтрольном, Олег Николаевич, вспоминая своё детство, посоветовал мне прочитать его «Блокадные новеллы» — воспоминания людей, в основном женщин, о тех страшных 900 днях. Так я и поступил. И был ошеломлён невероятных размеров трагедией, что пришлось пережить мальчишке. Блокада — это та боль, которая неотступно, на протяжении всей жизни тревожила его сердце. Вот далеко не полный список книг, вышедших в советское время, где эта тема в той или иной мере звучала: «Ливнями омытая весна», «Войди в мою жизнь», «Позиция», «Звёзды над крышей», «Рукопожатье», «Люди вокруг тебя», «Вечное эхо войны», «Устой», «Новеллы о любви»...

Потом мне стало понятнее и острое неприятие несправедливости, что терзало сердце Шестинского уже в конце жизни. Поэма из архива писателя «Неудобица», что опубликована «ОЛГ» в № 11 (108) за 2018 год, тому подтверждение. Пережить такое, а затем видеть, как подлость и стяжательство захватывают всё жизненное пространство вокруг — что может быть горше и мучительнее.

И всё-таки по своим душевным качествам Шестинский был светлым, бесконечно добрым человеком. Хотя в определённых обстоятельствах становился жёстко принципиальным. Но эти два качества как-то очень органично, естественно уживались в нём. Было в Олеге Николаевиче, на мой взгляд, что-то наивно доверчивое в общении с вновь узнавшими людьми. Он каждого воспринимал как почти уже состоявшегося друга — открыто, добросердечно. Конечно же, далеко не всегда такие ожидания Шестинского оправдывались, и тогда наступало горькое разочарование. Но и в этих разочарованиях он не был склонен, скандален, но честен, справедлив и принципиален.

Нет, он не был таким простачком, которого любой мог бы обмануть, очаровать, наговорив разные льстивые комплименты насчёт его стихов или прозы. Олег Николаевич трезво знал цену и себе, и своим поступкам, совершённым за долгую и далеко не простую жизнь, и своему творчеству. У него был трезвый аналитический ум, который не потерял своей силы до самых последних дней его жизни. Тут сказывался опыт профессионального литературного аппаратчика, долгие годы находившегося в верхних эшелонах писательской власти — на посту секретаря

Союза писателей СССР. Несмотря на всё это, главным для Шестинского в общении с людьми была перманентная вера в то, что он встретится с порядочным, верным и милосердным человеком. И это, может быть, тоже отголоски той, пережитой ещё в детстве блокады. Она рано повзрослевшего мальчишку научила и искреннему, не показному состраданию, и гневному бунту против вопиющей несправедливости, предательства, лжи.

Кто-то может меня упрекнуть в необъективности по отношению к Шестинскому, станут утверждать, что я не всё знаю о его делах и поступках в разные периоды его жизни. На это отвечаю: да знаю я всё! И от «доброжелателей», и от самого Олега Николаевича во время наших долгих откровенных, покаянно исповедальных друг

перед другом бесед.

Есть у Шестинского стихотворение, которое называется «После войны». Я думаю, что в нём сокрыта та глубинная суть нашего народа, которая во все времена не давала нам в нравственном смысле опуститься. В этом произведении мальчишка, переживший блокаду, повзрослев, вдруг написал и в 1978 году опубликовал такие строки:

Мальчишкой с умом откровенным,
Забывшим про голод и страх,
Я встретился с военнопленным
На Кировских островах.
Сновал он у груды кирпичной
Нисколько не схожий с врагом,
И ловко рукою привычной
Орудовал мастерком.
Ледящий он был, не ядрённый,
С подсиненной кожей скул, —
И завтрак я свой немудрёный
Зачем-то ему протянул.

Зачем сделал это мальчишка? Неужели всё простил врагу? Нет. Милосердие свойственно нашему народу, оно является сутью его, а иначе мы не были бы теми, кем являемся, и не рождала бы наша земля замечательных писателей, композиторов, художников, философов — великих творцов общечеловеческого духа. И Шестинский в своём стихотворении ставит такую точку:

О пленном являя заботу,
Словами не бью, не кляню
И этим по высшему счёту
Его подтверждаю вину.
Услышит ли он, не услышит,
Поймёт ли моё торжество, —
Я был беспощадней, был выше,
И был человечней его.

После этих строк становится понятна высказанная Олегом Шестинским мысль: «По-моему, поэзия способна, как ни один из жанров искусства, уловить дух переживаний людей в ту или иную эпоху. Поэзия

совсем немного. И, конечно, это было прощание. После выхода книги в свет Шестинский уже больше ничего не написал. Потому и следует как можно внимательнее прочитать «Серафимовское кладбище». Рассказ (или очерк с элементами литературного эссе) о том, как автор, хоть умом и понимает, что этого сделать невозможно, но пытается вернуться в город своего детства — в блокадный Ленинград. И беря за отчёт две эти точки, как в своей жизни, так и в истории страны в целом, пытается понять, оценить то, что произошло и лично с ним, и с Россией.

«Моя Родина — питерское Серафимовское кладбище». Возразят: «Не кощунствуешь ли, обозвав Родину кладбищем?» «Нет, — твёрдо, — там, где другим блазнятся лишь могилы, — моё мирозерцание, мои нерастратные откровения». Засады разных причин на долгий срок стреножили мою поездку из столицы в родные питерско-ленинградские пределы. Душа томилась этой оторванностью. Зачем ехать-то? Да поклониться!.. Пульсировало во мне: куда я тороплюсь? И выдыхалось отчаянно: в город мёртвых!..»

Тени ушедших зовут к себе, к тому же когда сам автор (и Шестинский об этом говорит без страха) стоит на пороге вечности. Он готовится к встрече с теми, кто был ему дорог, с кем дружил, кого любил, без присутствия кого его сердцу было бы пустынно, одиноко. Он вернулся туда, где должны были обитать тени покинувших его — в родной питерский двор, который есть порог вхождения в ту прошлую, давно и безвозвратно ушедшую жизнь, но он, этот двор, как и вся наступившая в стране новая жизнь, оказался для автора недоступным, на замке, за решёткой. И ведь символично! Новые хозяева города, загнав свои дорогие машины во дворы, где до войны мальчишки, играя, прятались «в глухих свёртках полениц», которые в блокаду были спасительно сожжены, а затем замерзающие жильцы принялись и за мебель; где отколота осколком гранитная ступенька ещё хранит память о разорвавшемся здесь немецком снаряде; где «юные медички в брезентовых сапожках непугливо пробегали при обстреле... со стонущими жильцами на носилках»; где «вязались к колышку отцовы доверенные широкие сани для хозяйственных нужд, ставшие общепотребными для переправы покойников в морг», — отгородившись этими решётками не только от людей, от бывших жильцов, от памяти об умерших от голода, убитых во время обстрела города с Вороньей горы, но и от истории государства.

Живое прошлое оказалось недоступным. Осталось только искать утешение у родных могил. К ним-то пока ещё можно пройти. «Пал мой первый ПОРОГ. Но сохранился ещё и второй, откуда я мог вступить в город с распахнутостью чувств». Но какие это могли быть чувства, когда знаешь, что «мёртвые повсюду, под дорожками, цветниками», что здесь в земле лежат

У подвига нет срока давности

останки тех, кого «завозили вповалку в открытых кузовах и сваливали, как сухой, во взъерошенные фронтовиками траншеи. Их накапливалось слишком много, чтобы думать о личностях. Они комкались в некую бесхозную массу... Их свозили со снежных улиц и из вымерзших комнат и на пустырях штабелили, ровня». Всё это жуткие, достоверные свидетельства очевидца. Как и вот это: «Помню, как впервые наткнулся на штабель мертвецов. В четвёртом слое вверх от грунта высывалась голова старика с буйной седой гривой, орлиноногого, с лицом белым, как из гипса. А впритык к его голове выставлялись чьи-то ноги в коричневых чулках. Меня озадачила штюпка на чулке жёлтыми нитками. «Почему жёлтыми?» — долбил вопрос психической надломленностью. А страха не было. И печали не было. Только жёлтая штюпка дивила».

Вообще, достоверность блокадных рассказов Шестинского о пережитых холоде и голоде меня поразила ещё тогда, когда я, найдя в нашей центральной городской библиотеке книгу «Голоса из блокады», впервые прочитал её. Уже там жизнь маленького мальчика в жутких, казалось, что невыносимых, нечеловеческих условиях заставила меня не то, чтобы содрогнуться, но как-то иначе взглянуть на окружающий мир, на происходящее вокруг. Как мы быстро забываем о трагедиях, о которых знаем, но которые сами не пережили, тогда как пережившие их помнят о случившемся каждой клеткой своего тела, каждым движением своих душ. И то, что для нас — 900 дней, для них — вся оставшаяся жизнь. Блокада не отпускает, словно пережитая она только вчера: «Нам, отрокам, выпала доля в будничной повседневности воспринимать исход, итог, истощённость физических сил как самое сущее. А как иначе, когда с ежесуточным постоянством вымирают соседи по дому в коммунашках, как в коммунальных гробах; когда неприбранных с улиц покойников, припорашиваемых снежком, просто равнодушно обходишь?.. Мы как никто проникались ценностями... совестливости и честности».

Этим словам нельзя не поверить, коль пишутся они у самой черты, в самом конце такого непростого пути. Олег Шестинский переживает чувство вины перед своей матерью и задаёт уже самому себе вопрос: «Когда я сам окажусь в непознанном пространстве, узнаю ли я её среди бесчисленных теней?» Он опустился на колени перед гранитным надгробьем матери «и утонул взором в приблизившемся оживлённо-ласковом материнском врисованном лике». «И у меня перехватило дыхание, — восклицает писатель, — кладбище ликовало праздником всепобеждающей жизни».

Перед своей кончиной вернул мне Шестинский бережённые им мои письма к нему со словами: «После моей смерти, может быть, захочешь опубликовать нашу переписку. Твои письма очень интересные». Так я и сделал — собрал воедино очерк об Олеге Николаевиче, статью к его 80-летию, моё прощальное слово о нём, текст нашей последней беседы, но главное — всю нашу переписку (не утаивая самые острые моменты в наших взаимоотношениях) и издал книгу «Яблоки русского сада», которая совершенно неожиданно для меня имела большой читательский успех. Отсюда я делаю только один вывод — творчество русского писателя, поэта, переводчика, честно отслужившего на своём поприще на благо родного Отечества, как и память о нём самом, остались в благодарных сердцах его читателей. Это ли не достойное завершение земного пути.

А нам теперь уже навсегда остались его произведения, стихи, в том числе и те, скорбные, что вырублены на гранитных стелах, установленных на Серафимовском кладбище непокорённого Ленинграда.

Валерий СДОБНЯКОВ
Нижний Новгород

Московский прозаик Сергей Котыкало — большой труженик на выбранном литературном пути. Даже на своё пятидесятилетие он, сопредседатель правления Союза писателей России, член бюро президиума Всемирного Русского народного собрания, двигатель многих добрых литературных дел, не нашёл ни времени, ни сил для своего собственного юбилейного издания. И лишь стараниями его друзей и поклонников творчества вышла книга «Крик журавля»

В январе-феврале 2018 года — печальный юбилей: 75 лет гибели юных героев. На рассвете 1943 года фашисты привели пятерых молодоговардейцев — Олега Кошевого, Любовь Швецову, Виктора Субботина, Дмитрия Огурцова — в Гремучий лес рядом с городом Ровеньки и расстреляли. О том, что предшествовало этому трагическому финалу, о неисчислимых пытках и муках, которым фашистские изверги подвергли наших детей, описано в книге Сергея Котыкало. Сам он родом с тех же мест, что и юные герои его повествования, и не скрывает

Вообще-то книжными изданиями Сергей Иванович не избалован, но вот в прошлом году мне посчастливилось участвовать в работе XII Всероссийского праздника духовности и культуры «Борродинская осень» в Можайске, и там он меня приятно удивил, подарив свою новую книгу «В ожидании Пасхи (из фронтовой тетради)».

С некоторыми эссе из этой книги я уже был знаком по публикациям в литературных изданиях, но, думаю, что особого внимания заслуживает очерк «Дорогой подвига» — о последних героических днях юных молодоговардейцев. Правда, я ещё посожалел, что в книгу не вошёл его очерк «Подвиг — бессмертен, традиции живы», напечатанный в одной из газет осенью 2017 года. Но и без того эта небольшая книга, сколь невеликая по весу, столь же и весомая по вкладу в патристическое воспитание молодёжи, достойно состоялась.

Старшему поколению, кому со школьных лет знаком роман Александра Фадеева «Молодая гвардия», не надо объяснять, кто такие молодоговардейцы и в чём нетленное величие их подвига. Хотя и у нас на глазах не раз предпринималась попытка разгромить роман и его автора. Сегодня стало понятно, кто на самом деле эти «критики», скрывавшие своё настоящее предательское обличье. В этих условиях тем более важно донести смысл подвига и героизма для молодых людей, родившихся в новое время: для них этот эпохальный великий роман о чести и доблести остаётся почти неизвестным.

В прошлом году исполнилось 70 лет со времени выхода в свет романа «Молодая гвардия», выросшего из очерка о героях Краснодона, опубликованного в газете «Правда» осенью 1943 года. Этот очерк, принадлежащий перу Фадеева, прочёл Всесоюзный староста Михаил Калинин, — он был так поражён подвигом вчерашних школьников, что попросил автора продолжить работу и исследовать эти трагические события...

преждевременной смерти писателя. А на Миусской площади в Москве председатель Союза писателей СССР Александр Фадеев увековечен в окружении своих литературных героев.

Мне довелось увидеть памятник писателю в городе Сорочинске Оренбургской области. Он весь утопает в цветах, сорочинцы встречаются друг с другом «у Фадеева», прогуливаются там с детьми и внуками. Вот и вспомнишь слова Котыкало: «Подвиг бессмертен, традиции живы». Но какое отношение провинциальный Сорочинск имеет к Фадееву?

А такое, что Фадеев был депутатом Верховного Совета СССР по Сорочинскому избирательному округу с 1946 по 1956 годы. Александр Александрович часто приезжал в этот районный центр (в то время — Чкаловской области), помогал городу в благоустройстве и создании водохранилища на реке Самаре.

Травля Фадеева, начавшаяся в 1956 году, стала началом ниспровержения подвига русского народа в Великой Отечественной войне. На новый виток эта антисоветская истерия вышла после развала СССР. В этих условиях в защиту героев и встали русские писатели, и, как с последней гранатой, рванули в бой за нашу молодёжь. И пусть с небольшой книгой, но обжигающей читателя своей горькой правдой.

Мало кто знает, что Сергей Котыкало и теперь часто ездит в Донецк, Луганск, Краснодар, встречается с жителями регионов, ставших в последнее время снова прифронтовыми. И это — помимо работы в аппарате правления Союза писателей России и работы главного редактора журнала «Новая книга России».

Сергей Иванович почти ничего о себе не рассказывает. В своё время он уже в 14 лет окончил школу с отличием и поступил в Донецкий политехнический институт. В постперестроечную эпоху «утечки мозгов» перед ним открывалась широкая дорога в «цивилизованный европейский» мир, но Котыкало выбрал Россию и опасную работу на атомных станциях в Чернобыле и Курске...

Впоследствии Сергей был переведён в Москву, стал активно печататься в журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Роман-газета XXI век», газетах «Российский писатель», «День литературы», всякий раз подчеркивая непререкаемую истину о том, что подвиг, как и предательство, не имеет срока давности.

В сентябре 2016 года в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе работала выставка, посвящённая 70-летию выхода в свет романа «Молодая гвардия». Там был выставлен раритетный экземпляр «Роман-газеты» 1946 года с первой публикацией романа, ставшего как вершиной творчества Фадеева, так и мишенью для критики, и в конечном итоге — причиной

своего личного отношения к тем страшным событиям. Ведь сегодня на Донбассе прошлый кошмар повторяется вновь...

У предательства нет возраста и нет срока давности! Об этом новая книга Котыкало говорит чётко и внятно, и потому это — не просто литература, но и гражданский поступок.

В сентябре 2016 года в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе работала выставка, посвящённая 70-летию выхода в свет романа «Молодая гвардия». Там был выставлен раритетный экземпляр «Роман-газеты» 1946 года с первой публикацией романа, ставшего как вершиной творчества Фадеева, так и мишенью для критики, и в конечном итоге — причиной

преждевременной смерти писателя. А на Миусской площади в Москве председатель Союза писателей СССР Александр Фадеев увековечен в окружении своих литературных героев.

Мне довелось увидеть памятник писателю в городе Сорочинске Оренбургской области. Он весь утопает в цветах, сорочинцы встречаются друг с другом «у Фадеева», прогуливаются там с детьми и внуками. Вот и вспомнишь слова Котыкало: «Подвиг бессмертен, традиции живы». Но какое отношение провинциальный Сорочинск имеет к Фадееву?

А такое, что Фадеев был депутатом Верховного Совета СССР по Сорочинскому избирательному округу с 1946 по 1956 годы. Александр Александрович часто приезжал в этот районный центр (в то время — Чкаловской области), помогал городу в благоустройстве и создании водохранилища на реке Самаре.

Травля Фадеева, начавшаяся в 1956 году, стала началом ниспровержения подвига русского народа в Великой Отечественной войне. На новый виток эта антисоветская истерия вышла после развала СССР. В этих условиях в защиту героев и встали русские писатели, и, как с последней гранатой, рванули в бой за нашу молодёжь. И пусть с небольшой книгой, но обжигающей читателя своей горькой правдой.

Мало кто знает, что Сергей Котыкало и теперь часто ездит в Донецк, Луганск, Краснодар, встречается с жителями регионов, ставших в последнее время снова прифронтовыми. И это — помимо работы в аппарате правления Союза писателей России и работы главного редактора журнала «Новая книга России».

Сергей Иванович почти ничего о себе не рассказывает. В своё время он уже в 14 лет окончил школу с отличием и поступил в Донецкий политехнический институт. В постперестроечную эпоху «утечки мозгов» перед ним открывалась широкая дорога в «цивилизованный европейский» мир, но Котыкало выбрал Россию и опасную работу на атомных станциях в Чернобыле и Курске...

Впоследствии Сергей был переведён в Москву, стал активно печататься в журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Роман-газета XXI век», газетах «Российский писатель», «День литературы», всякий раз подчеркивая непререкаемую истину о том, что подвиг, как и предательство, не имеет срока давности.

Эдуард АНАШКИН,
член Союза писателей России

Диана КАН

Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Междуречье», «Обречённые на славы» и других. Публиковалась в изданиях России и зарубежья. Живёт в Оренбурге.

«Воюя с собственной судьбой»

***
Край мой мятежный.
Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
Край мой далёкий от Первопрестольной.
Горем завейся —
Москва не услышит.

Горем завейся, ветром укройся,
Песней утешься, а я буду рядом...
Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
Край мой крамольный, оно тебе надо?

Царь ли царевич? Король королевич?
В баньке уважь их да в печь на лопату.
Кроток в молитве и страшен ты в гневе,
Край мой, кровавым рассветом объятый.

Что приуныл, опечаленный в стельку?
Что пригорюнился, счастья не чая?
Где ж он твой царь самозванный Емелька?
Чай, ты слуЧАем по нём не скучаешь?

Тёплым платком оренбургским закутай
Зябкую степь, что от ветра продрогла...
Вспомни свою захватившую удаль
И выходи на большую дорогу.

***
Ах, зима! Столбовая боярышня!
Щеголиха, каких поискать.
Ницета поздней осени давешней
И сиротство тебе не под стать.

Жемчугами корона украшена.
Самоцветы на шее горят.
Ты носи-ка, носи — не изнашивай
Свой волшебный ношебный наряд.

Ты цари-ка, цари — не истаивай,
Всех сияньем вогнавшая в дрожь!..
Пусть под шубой твоей горностаевой
Прорастает озимая рожь.

Шей по синему млечными тучками,
Ограняй бриллианты в горсти
И холёными белыми ручками
Хрустали через реки мосты.

Ах, не верю, не верю, не верю я,
Глядя сквозь кружева на окне,
Что твоя ледяная империя
Вдруг растает, как снег по весне.

Ох, неужто же, всем заброшена,
Побредёшь по овражьям, боса,
Прикрываясь обносками роскоши
И сумой перемётной тряся?..

«О, подайте, подайте, подайте ей!» —
Усмехнётся всяк встречный ручей,
Под твоей горностаевой мантией
Всё ж дождавшийся вешних лучей.

***
Всю жизнь рифмуя розы и морозы,
Всю жизнь воюя с собственной судьбой,
Я не унижусь до презренной прозы,
А, значит, не унижусь пред тобой.

Перед тобой, дарившим вдохновенье.
Перед тобой, ушедшим в злую мглу.
Перед тобой, мой непутёвый гений,
Хвалу воспринимавший, как хулу.

Любовь и кровь пожизненно миксуя
И раскрываясь на сквозных ветрах,
Господне Имя не тревожа всеу,
О сокровенном как сказать в словах?..

Буксуя на житейских бездорожьях
И матом кроя брэнную тщету,
Назло всем тем, кто жизнь мою итожит,
Остаться поэтессой предпочту.

Новая Марсельеза

Пролетая, пролетая,
Как фанера над Парижем,
Пролетарий, пролетарий,
Революция всё ближе.

На гербе орёл двуглавый,
Вырезанный из фанеры.
И ни левым, и ни правым,
Ни центристам нету веры.

Толстый поп кадиллом машет,
Отгоняя дух советский.
Двадцать первый век пустынный
Тупо занят жизнью светской.

Бесноватые уроды,
Что страну разворовали,
Про какие-то свободы
Будут мне читать морали?

Пролетарская Мадонна.
Православная аскеза.
Цвета марсала знамёна,
А над ними — Марсельеза.

***
Он вёл их молча по былинным,
По диким муромским лесам —
Иуд, что верили наивно
В то, что и он иуда сам.

Вёл, обходя в пути святыни,
Не тратя понапрасну слов,
Духовно-ядерной твердыни,
Что называется Саров.

Он вёл их, Китеж огибая
И светлый болдинский приют...
Знать, на Руси судьба такая,
Что первыми героев бьют.

В пути не раз им повстречался
Шальной разбойник-соловей.
Вослед ведомым так смеялся,
Что листья сыпались с ветвей.

Вёл, обходя Урал и Волгу,
Хоть их никак не обогнуть...
Во временах-пространствах долгий —
Единственно возможный путь!

И мысль одна терзала сердце,
Ведомым вовсе не в укор —
Как миновать в пути Освенцим,
И Саласпилс, и Собибор?..

...А дальше, братья-ляхи, сами.
Эх, ни покрывки вам, ни дна...
«Кажись, пришли! —
вздыхнул Сусанин, —
Варшава-матушка видна!..»

***
Неприкаянно, неприкаянно
Я свивала пути в кольцо...
И когда набрела на Каина,
Не узнала его в лицо.

Я сказала: «Богатым будете
Вы, проливший родную кровь...»
Он ответил: «Вы строго судите
Эту родственную любовь...»

Это что ж за любовь, идущая
Из библейских тёмных глубин —
Дочь, родную мать предающая,
На отца восстающий сын?

Мы к согласью прийти не чаяли —
Каждый правду свою искал.
Но лишь речь заходила об Авеле,
Собеседник глухо смолкал.

И в возникшей неловкой паузе
Мы тайком вздыхали с тоской:
«Почему же товарищ маузер
Нам роднее, чем брат родной?..»

Погорюем так и — расстанемся.
Впредь не встретимся —
жизнь коротка.
А пока... А пока... Апокалипсис
На Руси моей длится века.

Вьюжная соната

Наивная молоденькая дурочка,
Озябшая от безутешных слёз,
Бредёт по оренбургским тихим улочкам,
Бредёт-бормочет странное под нос.

Никем ещё ни разу не целована
И ни в кого ещё не влюблена.
Ничем покуда не разочарована,
Ни разу не сходящая с ума.

В шубейку-ветродуйку зябко кутаясь,
За вьюжною вуалью пряча взгляд,
Она бредёт, наивная и мудрая —
Совсем как я так много лет назад.

Она бредёт навстречу мне из прошлого,
Прокладывая стёжки на снегу.
Вновь, как в бреду, посмотрит:
«Что хорошего?..»

И снова я ответить не смогу.

Сейчас свернёт с Уральской на Пикетную,
Оставив мне лишь стёжек снежных вязь...
В таинственное-странное-рассветное
Уйдёт, в сонате вьюжной растворясь.

Стишками, между стёжек заплутавшими,
И тем, что у поэта жизнь горька,
Сонатами, сонетами не ставшими,
Она не озабочена пока.

Она бредёт, покуда безымянная...
Она не знает, как она слаба!
Она в бреду бормочет что-то странное —
Ещё не рифма, но уже — судьба.

И некому сказать наивной дурочке,
Пока её мечтания тихи,
Пока пустынно утренние улочки,
Что это — гениальные стихи!

***
Мир озарён прощальной улыбкой
Ультрамарины, что целует просинь.
Кармином, охрой, киноварью пылкой
Поделится аксаковская осень.

Здесь пурпура и терракоты встреча,
Что сходятся в лесах стеной на стенку.
Но никакого нет противоречья
В прощальном буйстве красок
и оттенков.

И так щедро осенняя палитра
Волшебного аксаковского слова,
Что как тут обойдёшься без пол-литра...
Дождя животворящего грибного?

***
Стихи, неожиданные, как дети,
Даруются поэтам свыше...
Цыц, графоманы, пыл умерьте!
Но графоманы пишут, пишут.

Пока поэт в пылу мятежном
Прикладывается к бутылке,
Они скрипят пером прилежно,
Стихи выводят из пробирки.

Отбиты премиальным налом
Мёртворождённые стишата,
Заполонившие журналы...
Обматерить — не хватит мата!

Не любят мата графоманы,
А вот поэт подчас бестактен.
И кроет словом океанным
Натужный дактиль-птеродактиль.

Уймись, поэт! Тебя читая,
Не минешь зависти к таланту.
Не потому ль предпочитаю
Читать нетленки дилетантов?

Любви, уж если откровенно,
Мне графоманы не внушают.
Но вот зато самооценку
Весьма конкретно повышают.

Ну что же? И на том спасибо!
Стремясь к лауреатской цели,
Меня, такую неулыбу,
Они развеселить сумели.

Смеюсь над ними в полный голос
Испепеляющее игриво.
Моя надменная весёлость
Похлеще ядерного взрыва.

***
«Ножки, ручки, щёчки и так далее...
А при мне — сварливая жена...»
Евгений Семичев

Сама себя спросила нынче: «Та ли я?»
Сама себе ответила: «Не та!»
Куда то, на хрен, подевалась талия —
Неоднозначна жизни полнота.

Клянусь себя, не ведая усталости —
Жесток удел великих поэтесс.
Намедни обруч покрутить пыталась я —
Он еле-еле на меня залез.

Воскликнул: «Ручки, щёчки и так далее...»
Меня увидев, Семичев-поэт.
Подлец, тактично умолчал про талию,
Как будто бы её в помине нет.

Как мать-земля я стала по экватору,
А ведь была стройна я, словно ель.
Не помогают платья-мотиваторы
Размера вожделенного икс-эль.

Я на саму себя теперь — пародия.
Из зеркала глядят, мечты поправ,
Исдержки моего чревоугодия
И следствие вакхических забав.

О, Русь моя! Сплошная вакханалия!..
Быт заедает скудость бытия!..
Вернись ко мне, моя беглянка-талиа?
Тебя разыскивает родина твоя.

Светлый воин на стороне добра и правды

На Украине вышла книга воспоминаний о Борисе Олейнике

Взявшись за работу над этой рецензией и перелистывая материалы, которые могли бы для этого пригодиться, я поймал себя на мысли о том, что в заголовки многих текстов о Борисе Олейнике и его творчестве их авторы, не сговариваясь, предпочитают выносить цитаты из произведений самого поэта. Немало цитат из стихов и высказываний Олейника с разного рода трибун и в личном общении присутствует и в текстах, вошедших в первый сборник воспоминаний, статей о нём, интервью. Случайно ли это? Думаю, нет.

В этой особенности осмысления наследия видного мастера поэтического и публицистического слова отражено общее представление его исследователей и читателей о глубокой содержательной насыщенности, изысканной форме словесных высказываний и формул автора поэм «Урок» и «Трубят Трубиж». Поэтическая речь Олейника кроме того, что содержательна, ещё и весьма афористична. Лучше него не сказать, вот и тянет изъясняться его словами. Даже в разговоре о нём самом эти слова помогают и сформулировать мысль надлежащим образом, и придать ей более точный и благозвучный вид.

Сборник воспоминаний и других материалов, посвящённый Борису Олейнику (первый подобный опыт после его смерти), в этом плане не представляет собой исключения. Цитат самого разного рода из Олейника в нём хватает, да и в заглавие должна была быть вынесена поэтическая строка из его известного, чтобы не сказать — культового, стихотворения: «Щоб і вам сонячно!..» («Пусть и вам будет светло...»). В последний момент, однако, вмешался академик Пётр Толочко, инициативе и энергии которого мы обязаны тем, что издание состоялось, предложивший изменить название книги на то, под которым она увидела свет. Идея вызвала поначалу среди членов редколлегии оживлённую дискуссию, но, в конце концов, была воспринята. Аргументом Петра Петровича, решившим исход творческого спора, оказалось указание на то, что в названии стоило бы дать ёмкую, предельно лаконичную и вместе с тем максимально содержательную характеристику героя воспоминаний и других текстов, вошедших в сборник. Ну, а строка: «Щоб і вам сонячно!..», — сохранилась в сборнике в заголовке статьи А.Сизоненко.

«Незрадлива совість» — очень точное определение, именно то, что нужно. Попадание в «десятку». Олейника можно с полным правом считать совестью украинской нации. И её моральным авторитетом. Что же касается характеристики поэта как «совести» через понятие «незрадлива», то тут, думаю, не помешает одно важное уточнение. В русском переводе украинское слово «незрадлива» звучит как — «верная». По смыслу правильно, по внутренней же форме — чуть-чуть небольшое, но отступление от оригинала. Дело в том, что в переводе теряется соотносительность определения с понятием «зрада» — «измена». Олейник был и остался «верным», не поддавшись искушению совершить «измену», «зраду», перед чем, как известно, не устояло несметное количество его современников. Иначе говоря, верность Олейника — это одновременно и верность как верность, и верность как неприятие измены. Мотив верности как принципиального отказа от измены занимает важное место практически во всех текстах, включённых в книгу.

Статья И.Бокия даже озаглавлена соответствующим образом: «Верный».

Сборник открывается вступительным словом Петра Толочко. Оно задаёт тон всему изданию, поднимая планку оценки личности Бориса Олейника — как поэтической, так и человеческой — на максимально высокий уровень. Автор отдаёт себе отчёт в том, что «время глубоких обобщений и универсальных оценок ещё не пришло ни в осмыслении исторических эпох, в которых жил и творил Борис Олейник, ни в постижении истинного места в них самого поэта». Но, тем не менее, предлагает собственный взгляд на проблему, свою интерпретацию места и роли Олейника на фоне смены эпох на рубеже XX–XXI веков, в обусловленных этой сменой, связанных с нею событиях, которые имели место на Украине, в Киеве и вокруг них. Это — долг перед памятью о Борисе Ильиче, перед современниками, а также теми, кто, придя на их место, захочет прочесть и понять творчество поэта.

В предельно кратком изложении оценку Бориса Олейника, предложенную Петром Толочко, можно было бы выразить формулой: «гениальный поэт, который мог и должен был бы стать пророком для своего Отечества, но не стал им». По мнению автора, Олейник, поэтический путь которого охватил почти семь десятилетий, добился грандиозных творческих результатов и их оценки обществом очень рано, ни на мгновение не останавливаясь в своём развитии, постоянно двигался вперёд и вверх, покоряя новые и новые вершины, прокладывая путь другим. Его отличали высокая внутренняя собственная человеческая и поэтическая культура, глубокое понимание жизненных законов, а ещё — что, может быть, особенно важно — высочайшая степень интегрированности в особенности украинского общества. По мнению Толочко, Олейник был не только выдающимся поэтом, но и глубоким мыслителем, готовым предложить Украине алгоритм поведения и путь развития, основанные на ориентации на собственные силы и традиции и способные обеспечить не мнимый, а действительный успех.

Толочко предлагает максимально объективный, отвлечённый и обобщённый взгляд на Олейника, предпринимая попытку составить представление о наиболее ярких и значимых чертах «феномена Олейника». В первом случае Олейник является читателю «одетым в камень», во втором — человеческим, очень личным. Тут описаны несколько встреч и их бесед, о кото-

рых не знал никто, кроме них самих. Эти истории становятся достоянием публики впервые, и Толочко предстаёт тут и как писатель-мемуарист, и интерпретатор поэтических текстов, и тонко чувствующий слово переводчик Олейника на русский язык.

Очень высокую планку в оценке личности, творчества, деятельности Олейника, их значения и значимости в истории украинской литературы, культуры, государственного и общественного развития, заданную Толочко, поддерживает и развивает президент Национальной Академии наук Украины академик Б.Е.Патон. В сборник включено подписанное им представление о выдвижении Б.Олейника на Нобелевскую премию в области литературы, датированное 2013 годом.

Назвав Олейника «визитной карточкой украинской поэзии», Б.Патон обратил внимание на то, что в его стихах гармонично сосуществуют национальная специфика и местный колорит с универсальной поэтической картиной мира, позволяющей подняться на наднациональный уровень, возвыситься до общечеловеческого масштаба.

В предисловии к двухтомному изданию избранных произведений Бориса Олейника, вышедшему в 1985 году к юбилею поэта (оно помещено в сборнике), классик украинской литературы Олесь Гончар, сам уроженец Полтавской области, особо отметил связь поэта с его родной землёй, малой Родиной — Полтавщиной. О том, сколь важную роль сыграл автор «Знаменосцев» в его литературной и человеческой судьбе, сколь высок был для него авторитет великого земляка, не раз говорил и писал сам Олейник. «Прийти в литературу от земли Котляревского и Гоголя, из краёв, где, как и по всей Украине, в наибольшем почёте «Кобзарь» и народная

песня, и меткое весёлое слово, — это как бы прийти с определённым дипломом, означающим высокую духовную эстетическую подготовку и накладывающим на поэта соответствующие творческие и гражданские обязательства». Олейник всегда ценил свою принадлежность к полтавской земле, всегда осознавал себя «полтавцем», всегда отдавал себе отчёт в том, что это — и особая честь, и особая ответственность. Что же касается «меткого слова», тут ему не было равных. Мог порадовать-позабавить окружающих, а то и отметить-пометить кого-то «весёлым словом» так, что мама не горюй.

Олейник входил в круг самых выдающихся украинских мастеров слова — поэтического, публицистического, разговорного, «трибунного». Под его умелым пером слово было и универсальным инструментом врачевания души, и удачно взятой первой нотой в большой поэтической симфонии или в малом этюде, и искрящейся дождевой капелькой, отразившей огромный мир. Слово превращалось, бывало, и в грозное оружие. Обладая уникальной способностью с помощью слова разить и сразить противника наповал, поэт никогда не стремился бить на поражение. На эту черту человеческого и поэтического таланта Б.Олейника обратил внимание Г.Крючков («Талант на службе Отечества и народа»).

«Светлый воин на стороне добра и правды», — назвала размышления о Олейнике знавшая его студенческих времён Н.В.Костенко, педагог, литературовед, одна из лучших на пространстве бывшего СССР «олейниковедов». Она, среди прочего, особо подчеркнула крайне важный для понимания творчества поэта факт: он, «как никто другой, сумел продолжить магистральную для украинской поэзии шевченковскую традицию нераздельности национальной идеи от идеи социальной справедливости и свободы». Творчество Олейника с полным правом можно трактовать как элемент творческого контакта и связи с предшественниками по поэтическому

цеху, начиная от Т.Шевченко и заканчивая П.Тычиной, В.Сосурой, А.Малышко.

Вопрос же, кто подхватит эстафетную палочку после него, остаётся открытым. ...В декабре 2018 года в рамках «Минской инициативы», белорусско-украинско-российского гуманитарного проекта (поэт стоял у его истоков) прошла конференция «Наследие Б.Олейника в контексте межкультурного диалога», — первая в своём роде. Когда Михаил Швыдкой, взявший на себя роль модератора, попросил присутствующих высказаться о дальнейших направлениях популяризации и изучения наследия Бориса Олейника, недостатка в предложениях не было. Идеи сыпались, как из рога изобилия — от издания «Собрания сочинений» до составления «Словаря языка Бориса Олейника», съёмки документального фильма о нём и, конечно, подготовки новых конференций и публикаций.

Яков РУДЬ,
Киев

Фируз МУСТАФА

Известный азербайджанский писатель, драматург и философ. Родился в 1952 году. Окончил филологический факультет Азербайджанского государственного педагогического университета; затем аспирантуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации по философии. Работал в редакции газеты «Азербайджан геджлери» («Молодёжь Азербайджана»), вёл по ТВ популярные передачи. Многие годы преподавал философию, мировую литературу и культурологию. Автор многочисленных художественных и научных книг. Один из самых востребованных драматургов Азербайджана.

Любовные послания на мёртвом языке

Рассказ

Поначалу перемены в поведении Эмиля Бунядзаде привлекли внимание только его жены Фериды. Но позже на них обратили внимание и другие. На самом же деле, назвать переменами то, что происходило с нашим дорогим соседом, было бы слишком мягко — поступки и поведение его оказались просто поразительными...

В подлунном мире ничего не происходит просто так. Всё имеет свой конец и своё начало. Была, можно сказать, и главная виновница упомянутых странных изменений бывшего инженера сталелитейного завода Бунядзаде. Его жена Фериде видела этой виновницей только себя, и только себя укоряла. Конечно, как это обычно бывает, самоосуждение Фериде родилось и возросло уже после того, как всё случилось, и никакая сила уже не была способна что-то изменить.

Но была и ещё одна причина. Завод, на котором работал Эмиль Бунядзаде, в наступившие тяжёлые времена попросту закрылся, и все работники молча разбрелись кто куда. Странное дело, но среди них не оказалось ни одного бунтовщика или жалобщика. Да и куда пожалуешься, кому и на что? Всё произошло, можно сказать, закономерно: перестало поступать сырьё, изношенное оборудование постепенно вышло из строя, вот завод и встал. Люди вели себя так, словно им откуда-то дали указание: каждый теперь сам за себя. Конечно, все как-то суетились, но вслух никто не проронил ни слова и старался найти выход в одиночку.

Немало пришлось побегать и Бунядзаде в поисках работы по специальности. Когда её не нашлось, он решил заняться каким-нибудь другим востребованным, престижным и неплохо оплачиваемым делом, бизнесом, например, и стал обращаться к влиятельным знакомым и незнакомым людям, предлагая свои услуги. Увы, у них никакого приличного места для него не нашлось. Посидев недели две время дома, он снова пошёл по тому же кругу, но уже с просьбой о любой работе, в конце концов, даже грузчика или землекопа. Но, к сожалению, и такую работу невозможно было отыскать. Некоторые бывшие коллеги, да и друзья, иронизировали при встрече: «Думаешь, мил человек, работа так тебя и ждёт? Да по нынешним временам, если у кого-нибудь где-нибудь и появляется свободное место, то он сразу же устраивает туда своего ближнего или дальнего родственника. В такой ситуации только на родича и можно надеяться. Если, конечно, он — при деньгах или власти...»

Увы, в этом огромном мире и большом городе, где было полным-полно разных людей, у Бунядзаде почему-то не оказалось заботливого «родича».

Но он был не из числа тех, кто теряет время без толку, а потому стал хотя бы перелистывать свои старые книги. Жена,

увидев его за этим занятием, съязвила: «Решил повысить квалификацию? Всё ещё надеешься, что построят новый металлургический завод и назначат тебя главным инженером?!»

Увы, в насмешке Фериде была горькая правда. И в самом-то деле, кто же сейчас строит заводы и нанимает туда работников?! Даже то, что было когда-то построено, торопливо ломают, разбирают и вывозят в неизвестном направлении...

интересовала. Краешком глаза Фериде заметила, что муж целыми днями «зачитывается» лишь парой книг. Это были учебники по латыни, о которых она давно уже забыла, убрав их подальше. К чему они ей сейчас: пару десятков фраз для рецептов и диагнозов она помнит, а остальное, дай Бог, никогда не потребуется...

Между тем, Эмиль начал читать учебники днями напролёт. Он и сам толком не понимал, почему его вдруг так заин-

едем — пригодится. Или выучи, на худой конец, китайский, — теперь все товары оттуда возят, может, и ты займёшься. Да и вообще, китайцев сегодня — чуть ли не полмира, за ними будущее... А если китайский не по душе, тогда, пожалуйста, есть эсперанто — у него тоже почитателей хва-тает. Но латынь?! Зачем тебе она?..»

Жена снова была права, но Бунядзаде не мог оторваться от учебников, словно его к ним приклеили. Он с исступлённостью

Эмиль Бунядзаде отложил в сторону справочники и инструкции по своей специальности и, от нечего делать, начал копаться в книгах жены, работавшей педиатром, доставая её медицинские пособия из давно уже не открывавшегося шкафа. Фериде аж взорвалась: «Ты что, врачом решил заделаться?! На твоём инженерстве так разбогатели, что денег куры не клюют, теперь хочешь на врачевании озолотиться?!»

Она опять была права, и Эмиль промолчал. Но просматривать книги жены не перестал, хотя и медицина его совсем не

тересовала латынь? И вправду, что с ним творится? Какая сила заставляет с невероятным рвением, вместо того, чтобы заниматься поиском работы или каким-то полезным делом, учить никому не нужный мёртвый язык.

Было видно, что Фериде и злилась на мужа, но и жалела его. Время от времени она пыталась давать Эмилю советы, стараясь быть помягче: «Ты, мой хороший, разве не знаешь, что латынь сегодня никому не нужна? Лучше английским займись, раз уж так хочется выучить иностранный язык! Вдруг когда-нибудь за границу по-

листал пожелтевшие страниц книги, проглядывая их содержимое. Ещё несколько месяцев таких усилий, и ему могли бы позавидовать не только студенты медицинского института, но и даже самый подготовленный преподаватель латыни. И как раз в это время Эмилю в руки попала газета с необычной публикацией. Мило улыбающаяся с фото девушка давала интервью захвавшему на её далёкий остров журналисту. Особенно привлекало Эмиля то, как живущая на Кубе госпожа Майвелис вела разговор о красоте латинского языка, рассказывала о его тонкостях и богатстве.

И самое главное, она предлагала свои бескорыстные услуги всем, кто хотел бы изучить латынь. А в конце публикации очаровательная красавица указывала свою электронную почту.

Эмиль Буныдзе был потрясён и тут же решил написать прекрасной незнакомке первое письмо. Оно могло попасть в книгу рекордов Гиннеса по своей краткости, поскольку в нём было всего лишь одно слово на латыни: «Salve!» То есть, «Здравствуйте!» И всё. На большее Буныдзе не решился.

Ответ от кубинки не заставил себя ждать. Письмо девушки оказалось более объёмным. Правда, не все слова там были знакомы. Но явно ощущалось, что письмо обрадовало её. Госпожа Майвелис с далёкого берега океана приветствовала и ободрила нового коллегу: «Multos successus opto!», что означало: «Я желаю вам успехов!». А так как письмо писалось ночью, не забыла пожелать приятных снов: «Molliter cubes!»

Эмиль, не откладывая, написал следующее письмо, в котором не только озвучил «свои наилучшие пожелания» в адрес девушки: «Accipe vota mea sincera!», но и дополнительной фразой пожелал ей счастья: «Perpetua felicitate floreas!». Естественно, письмо начиналось словом «Salve!» и заканчивались фразой «Fas te videam!» — «До свидания!».

После такого вдохновляющего обмена посланиями, Буныдзе решил изучить все тонкости языка «от альфы до омеги». Он сидел теперь над книгами не только днём, но и ночью. Эмиль стал испытывать странные ощущения. Порой ему казалось, что когда-то давным-давно он знал этот язык, но потом, Бог знает по какой причине, всё вылетело из головы. И вот теперь идет восстановление былых знаний. Очень быстрое восстановление. А когда он под утро ненадолго засыпал, ему, конечно же, снилась далекая Гавана, где Эмиль встречался с Майвелис и разговаривал с ней на латыни.

Он хорошо помнил, как в первую их весну Майвелис отмечала свой день рождения, и Эмиль, конечно же, «от души поздравил её в этот прекрасный день»: «Congratulor tibi de natali tuo! Sine tibi de natali tuo gratuler et optima quaeque comprecer!». И она так же радостно его поблагодарила.

Со временем у Буныдзе появилось предположение, а потом и уверенность, что его древнейшие предки, несомненно, были латинами. Разве на этом свете мало народов и людей, которые кочевали с одного края Европы и Азии на другой и даже с континента на континент! А уж в эпоху Римской империи куда только римляне не добрались! Говорят, и в наших краях бывали...

Вскоре Эмиль начал чувствовать такую привязанность к девушке, что постепенно стал забывать о родной супруге. Дело приобрело серьёзный оборот. Теперь его письма обычно заканчивались фразой: «Con amore», то есть «С любовью». А однажды в послании, летящем через компьютер в далёкую Гавану, появилась фраза: «Vos amo» — «Я тебя люблю».

Какой изумительно краткой и точной она была! Эмилю показалось, что на свете нет и не может быть языка, на котором так прекрасно звучали бы слова для любимой. А сама Майвелис больше не казалась ему чужой или далёкой. И она в ответ стала нередко отправлять ему два таких же замечательных слова: «Vos amo». И присылала всё новые и новые статьи, книги и манускрипты на латыни. Эмиль не уставал восхищаться: Боже праведный, что это за гениальный народ, сумевший создать такие шедевры!..

Разумеется, Бунызде очень хотелось поехать на Кубу, встретиться с прекрасной Майвелис и, может быть, до конца своих дней наслаждаться вместе с ней жизнью и латынью. Но как быть с угрызениями совести по поводу оставленной жены?! И если это ещё можно преодолеть, то на какие деньги лететь на другой конец света?..

Кто-то из древних сказал, что любовь превыше и сильнее всего. Но, увы, в сегод-

нящем жестоком и безжалостном мире даже любовь зависит от денег. Как сможет человек, у которого в кармане ни гроша, добраться до неё на далёкий остров в океане? Правда, от мудрых латинцев остались слова: «Quilibet fortunae suae faber», то есть «Каждый человек — кузнец своего счастья». Получается, что вынуженный из горящей печи и изрядно поколоченный на наковальне кусок железа можно сравнить со счастьем? Что за уподобление! А ещё такие умные!..

Бунызде и не заметил, что он стал не только говорить на латыни, но и начал думать на этом языке. Когда он оставался один, ему доставляло огромное удовольствие громко декламировать стихи Марка Аннея Лукана, Тита Лукреция Кара, Луцилия, Горация, Назона, Антонио Минтурна... Выходя из дома и бесцельно беря куда-нибудь по улице, он довольно часто забывался и, размахивая руками, произносил длинные и сложные тексты на латыни. В такие минуты Эмиль представлял себя на заре истории, среди латинских учёных, которые принесли мировой науке и культуре великие дары, и, мысленно стоя на трибуне, выступал с речью, рассыпая мудрые высказывания и афоризмы.

Конечно, никто из окружающих не был в состоянии понять Бунызде. Мало того, знакомые люди качали головой вслед человеку, который при встрече вместо того, чтобы нормально поздороваться, поднимал руку, говорил «Salve!» и потом таинственно улыбался. А ведь долгие годы Эмиль Бунызде был их соседом, причём, очень хорошим. Что же произошло с ним?.. А куда смотрит Фериде?! Как же она, такой опытный врач, не видит явной клиники, не может помочь собственному мужу?

Тем временем переписка Эмиля с Майвелис продолжалась. Девушка понимала его лучше всех, поскольку, как выяснилось, её прапредки тоже были латинами. Эмиль написал ей о своей мечте побывать на Кубе. Она ответила, что ждёт его — не дожждётся и будет счастлива встретить в Гаване в любой день. Эмилю оставалось только найти деньги и собраться в дорогу. Но он пока и представить не мог, когда, где и как их раздобудет. Майвелис тоже ничем не могла помочь, и их свидание затягивалось на неопределённое время.

Теперь Фериде и Эмиль жили не только в разных комнатах, но и в разных мирах. Жена старалась держаться подальше от странного мужа. А для него это уже не имело ни малейшего значения. Он давно перестал говорить про работу и даже думать о ней. Его ничего не интересовало, кроме Кубы и Майвелис.

В один из дней возле их подъезда остановилась машина. Вышедшие из неё люди в белых одеждах поднялись по ступенькам и вошли в квартиру Бунызде. В тот день Фериде была дома, и пришедшие о чём-то заговорили с ней негромкими голосами. Потом один из них вошёл в комнату к Эмилю, вежливо поздоровался на латыни и предложил Эмилю спуститься вниз. Услышав родную речь, ласкающую слух, Бунызде, конечно же, с удовольствием принял приглашение. Во дворе стояла машина белого цвета. Эмиль бросил взгляд на надпись на машине — без всяких сомнений, это было латинское слово. И тогда в его голове мелькнула радостная мысль: наверное, это Майвелис решила сделать ему сюрприз, обратилась в посольство Кубы в его стране, и эта машина, эти люди в белых одеждах, так прекрасно говорящие на латыни, приехали за ним, чтобы отвезти в Гавану!.. Не дожидаясь дополнительного приглашения, он торопливо сел в машину.

...На электронную почту Эмиля Бунызде ещё долгое время шли пространные письма из Кубы. Но не нашлось человека, который бы ответил на них. В последнем письме Майвелис, что пришло совсем недавно, было лишь одно слово: «Valebis!» — «Прощай».

Перевод с азербайджанского
Шахло КАСУМОВОЙ

Незакатное солнце старейшины

У великолепного мастера современной прозы, старейшего писателя России Леонида Сергеева вышла новая замечательная книга «Там, где никогда не заходит солнце», — отличный повод сказать несколько слов не только об этом издании, но и о творческой биографии именитого автора

Новая его книга — это реминисценция из детства для детей, подростков и взрослых, которые помнят своё детство. А Леонид Анатольевич, несмотря на девятый десяток жизни, помнит всё очень хорошо. Автор новинки — продолжатель традиций реалистической прозы. На фоне современных книг («вредных советов», динозавриков, всяких монстров), которые создают искажённым окружающий нас мир, рассказы Леонида Сергеева подкупают своей правдивостью, любовью к природе и «братьям нашим меньшим».

Сергеев сегодня — это общепризнанный факт! — является одним из неформальных лидеров современной русской прозы. Как сказал о нём Фазиль Искандер: «Чтобы писать о детстве, надо иметь более или менее безошибочный слух на детскую психологию. Слух этот не всем дан, он — особенность духовной памяти данного человека... Леонид Сергеев помнит детство, у него есть этот слух и, следовательно, его резервуар неисчерпаем. Его рассказы — тому подтверждение, они захватывают читателя своей интонацией, искренностью, ностальгией по ушедшему времени». И эти строки Фазиля Искандера можно соотносить не только к книгам Леонида Сергеева для детей (а их десятки) — «Цветные мелки», «Когда я был мальчишкой», «Зоопарк моего деда», «Собирает чудеса», «У моря», «Сверчок и светлячок», «Фотограф», «Самый лучший праздник» и др.; не только к книгам для подростков — «Утренние трамваи», «Солнечная сторона улицы», «Оглянись...», «Белый лист бумаги», «Мой бегемот», «Белый и чёрный», «Как на качелях», «Железный дым», «Мои собаки», но и к книгам для взрослых — «В полдень на улице», «Летние сумерки», «Заколдованная», «Вид с холма», «Самая счастливая или Дом на небе», «Вперёд, безумцы!», «До встречи на небесах!», «Мост над обрывом». И если дать обобщённую характеристику творчества Леонида Сергеева, то надо сказать, что вся проза этого большого мастера художественного слова дышит жизнью, затаённым восторгом от счастья жить и от необычной прелести каждого прожитого дня.

Свою трудовую деятельность в области культуры и её неотъемлемой и основной составляющей — литературы! — Леонид Сергеев начал в 1960 году в театре имени Вахтангова, затем в театре имени Маяковского. В первом случае — в должности художника-декоратора, во втором — художника, заведующего декоративным цехом. В этот же период Сергеев одновременно пишет и иллюстрирует детские книги. Проиллюстрировал таким образом более 20 книг. Параллельно он сотрудничал со всеми детскими журналами Москвы, Академии педагогических наук, Украины, Молдовы и Прибалтики. В 1965 году его неутомимая деятельность на журналистском поприще получила широкую известность и признание: Леонид Сергеев был принят в Союз журналистов, а затем и в Союз писателей России.

В течение 25 лет он руководил Детской изостудией при Центральном Доме литераторов. Многие его ученики стали известными художниками. Об этой работе

с детьми Леонид Сергеев написал книгу «Белый лист бумаги», за которую получил премию и диплом «Золотое перо Москвитии».

Высокие творческие достижения Леонида Сергеева также отмечены рядом наград: он является лауреатом литературных премий имени Сергея Есенина, Алексея Толстого, Сергея Михалкова, Василия Шукшина, премии журнала «Московский вестник», первой премии Всероссийского конкурса на лучшую книгу о животных, первой международной премии «Литературный Олимп», — всё это свидетельствует о том, что его произведения отмечены печатью таланта несомненного и очевидного.

В писательском сообществе, в Московской городской организации Союза писателей России Леонид Сергеев занимает активную общественную позицию. К его мнению прислушиваются и начинающие, и маститые писатели, и рядовые члены Союза и их руководители. Он — средоточие высокой культуры, высокого русско-

го слова. Он по сей день выступает перед детьми в школах, библиотеках, больницах, книжных магазинах, в клубах и детских учреждениях искусств, принимает деятельное участие в «круглых столах», литературных дискуссиях, вечерах, концертах, презентациях, — во всём том, что обеспечивает подъём нашей российской культуры.

Сергеев в вступительном слове к своей книге «Там, где никогда не заходит солнце» написал: «В детство нельзя вернуться, но почему-то в него тянет всю взрослую жизнь, как будто там осталось частица нашего сердца». В связи с этим, мне кажется, новая книга почтенного мастера, исполненная его душевной теплотой, согреет многие сердца (и детские, и взрослые) и получит широкое признание читателей.

Юрий КОНОПЛЯННИКОВ

«Как наше слово отзовется...»

Беседа с главным редактором журнала «Берега» (Калининград) Лидией Довыденко

— Лидия Владимировна, порой кажется, что это было только вчера — вышел первый номер журнала «Берега». И вот пролетело 5 лет, по нынешним временам дата уже немалая...

— Это был очень сложный и тревожный период поиска средств, наиболее интересных авторов, читателей и подписчиков, которые кто радостно, кто с удивлением потянулись к нам, постепенно относим наше издание к лучшим журналам не только России, но и всего русскоязычного мира. Шесть раз в год читатели ждут и прочтывают новый номер от корки до корки, потому что находят ответы на мировоззренческие вопросы. Свежий ветер с Балтики открывает многогранность современной русской литературы, берегов культуры и искусства многовековой России, представители которой разными дорогами и судьбами оказались вне её.

Лучшие литературные силы, объединённые русским языком, стали собираться на страницах «Берегов»: Юнна Мориц, Ольга Фокина, Сэда Вермишева, Геннадий Иванов, Владимир Скиф, Николай Зиновьев, Алексей Гушан, Александр Кердан, Владимир Фёдоров, Валерий Хатюшин, Диана Кан, Евгений Семичев, Сергей Зубарев, Валентина Ерофеева-Тверская, Владимир Молчанов и многие другие.

Особые страницы истории журнала составляют прозаические произведения Николая Иванова, Сергея Пылёва, Александра Проханова, Владимира Крушина, Вячеслава Куприянова, Юрия Серба, Александра Грибкова, Татьяны Грибановой, Александра Новосельцева, Сергея Воробьёва и других.

Многие читатели и авторы отмечают высокий уровень нашей публицистики, которая представлена такими выдающимися авторами, как Валентин Курбатов, Александр Казинцев, Вячеслав Люгтый, Станислав Куняев, Григорий Блехман и другие.

Особое направление — знакомство читателей с историей русской аристократии. И ещё нам очень приятно, что публикация в «Берегах» открыла дорогу в большую литературу молодым авторам: Евгению Журавли, Дмитрию Филиппову, Алине Серёгиной, Сергею Леонтьеву, Ивану Привалову и другим.

— Изменилась ли начальная концепция журнала?

— Председатель Союза писателей России Николай Иванов, который вошёл в состав редакционного совета журнала, дал такое словесное определение редакционной политике: «Ни пяди журнала друзьям и знакомым, только литературе. Журнал — это территория нравственности».

Нас отличает желание находить единомышленников, объединяться с ними. В конце журнала «Берега» есть целый список друзей: литературных изданий и порталов; следование литературному братству, что воплотилось во многих поездках в Россию и в страны ближнего и дальнего Зарубежья. Сложилось очень тёплые и

дружественные отношения с авторами Москвы, Санкт-Петербурга, Липецка, Воронежа, Ельца, Вологды, Минска, Вильнюса, Каунаса, Риги, Праги, Варшавы и других городов. Два года мы ведём с писателями из Липецка общественно значимую акцию «Общая гордость, общая память. Липецк-Калининград». Инициатор — Валентин Баяканский, открывший, что три героя Советского Союза, павшие в боях на территории Восточной Пруссии, получили имена трёх городов в Калининградской области: Гурьевск, Гусев и Нестеров — выходцы из Липецкой области. Мы надеемся, что со временем нашу акцию «Имена героев на карте Родины» удастся сделать всероссийской, потому что каждому новому поколению надо объяснять, что такое Великая Победа, которую враги России хотят обесценить, переписать, принизить.

Мы гордимся такими авторами, как шестикратный кавалер Ордена Мужества Алексей Новгородов, докторами наук, профессорами Александром Чумиковым, Екатериной Фёдоровой, Людмилой Яцкевич, Эдуардом Демиденко, дыхание России мы ощущаем с берегов Сибири, брянских, орловских, тверских, рязанских, новгородских, донских.

Журнал принимает активное участие в проектах ближнего зарубежья. Это ежегодный фестиваль православной поэзии «Покрова» в Каунасе, руководитель — доктор гуманитарных наук Эяна Суоде-

не; Дни русской культуры в Риге, приуроченные к дню рождения А.С. Пушкина; публикации рижских авторов: Александра Якимова, Татьяны Житковой, Петра Антропова, Ивана Кунцевича; духовно-нравственные литературные чтения русских авторов в Вильнюсе (Эльвира Поздняя, Валерий Иванов, Яков Крыницкий др.). Читательское внимание тянется к таким талантливым авторам, как Людмила Свирская (Чехия), Светлана Балашова (Болгария), Арон Гаал (Венгрия), Любомир Попович (Республика Сербская), Амир Пахлеван (Азербайджан). Елена Черпакова, Барбара Кригер, Болеслав Тейковский (Польша), Анатолий Аврутин, Михаил Поздняков, Татьяна Жилинская (Беларусь). Мы благодарны Светлане Савицкой за знакомство с сирийскими поэтами.

А кто ещё хочет присоединиться как автор и читатель к журналу «Берега», пожалуйста, можно заглянуть к нам на сайт.

— Как вам удалось привлечь талантливых русских авторов — поэтов, прозаиков, публицистов, литературоведов, учёных, исследователей культуры?

— Многие сами присылали в журнал свои произведения, но немало писем я пишу тем, кого считаю единомышленником, с предложением опубликоваться. Главная работа по поиску конструктивных и талантливых авторов принадлежит редакционному совету журнала. Это близкие мне по духу люди, с которыми посчастливилось встретиться, и я благодарю за это небеса. Это поэты и публицисты Григорий Блехман, Елена Груцкая, Игорь Ерофеев, Евгений Журавли, заместитель главного редактора журнала «Наш современник» Александр Казинцев, Сергей Кириллов,

член Совета по культуре при Президенте РФ Валентин Курбатов, Андрей Растворцев, Геннадий Сазонов, прозаики Александр Новосельцев, Сергей Пылёв, доктор философских наук, профессор кафедры философских учений БНТУ Валерий Старжинский. Мы — команда.

— Слово всегда имеет энергетику — либо созидающую, либо разрушающую. Поэтому велика ответственность за слово, которое несёт журнал людям, не так ли?

— Совершенно согласна по поводу энергетики слова и созидательной направленности автора, его ответственности за то, что он несёт миру. Здесь я хотела бы выделить тех писателей, которые оказались на территориях, притянувших взгляды всего мира: Крыма, Новороссии, Приднестровья. В июне 2014 года мы пригласили в Калининград Николая Иванова, который был в Крыму в самые его тревожные и победоносные дни, отражённые в очерках, опубликованных в «Берегах» и поэта из Евпатории Сергея Овчаренко, нашего автора. Родилась литературная акция «Братство двух морей», и Сергей Овчаренко увёз с собой флягу с водой Балтийского моря, соединив её потом с водами Чёрного моря.

Весной 2017 года, по приглашению авторов из Луганска и Донецка, я побывала на Донбассе. Андрей Чернов, Глеб Бобров, Елена Заславская, Александр Морозов, Ирина Горбань, Лиана Мусатова, Людмила Гонтарёва, Ната Игнатова, Иван Донецкий, Владимир Скобцов, Ирина Бауэр, из Приднестровья — Сергей Чернолев, Александр Лобанов, — можно перечислить десятки имён поэтов и прозаиков, которые создают литературу честную, искреннюю, без позолоты и фальшивых виньеток. Увы, их книги вряд ли найдёте на прилавках. И далеко не все из них представлены на литературных порталах, поэтому такие литературные журналы, как наш, становятся для многих писателей способом общения с широким кругом читателей. Литературно-художественный журнал «Берега» — один из таких навигаторов в мире современной литературы. Произведения наших авторов — это продолжение традиций русской и советской литературы, её лучших писателей.

— Известно, что многие «толстые» журналы находятся на грани выживания из-за финансовых проблем. Как вы решаете такие проблемы?

— Помощь, ровно столько, сколько нужно, приходит со всех сторон. Те, кто помогает, просят не называть их. Я никогда не прошу больше, чем нужно. Со стороны местных властей нет поддержки, никакой государственной помощи.

Редакционный совет, и я в том числе работает совершенно безвозмездно, на энтузиазме. Это понимают организаторы многих конкурсов и премий, награждая нас и поддерживая морально, потому что мы частичка подлинной жизни и неубывающей правды.

— Спасибо вам, Лидия Владимировна, за содержательную беседу. Думаю, многие читатели выражают добрые пожелания вам и всем авторам журнала. Здоровья, творческого поиска, любви и веры, служения нашему дорогому Отечеству.

Беседу вёл Геннадий САЗОНОВ
Калининград — Вологда

Верная дочь Серебряной горы

Я познакомился с ней, когда стал преподавать на курсах литературного мастерства, куда приходят люди, желающие пройти обкатку своих сочинений

Зоя Донгак — врач, поэт, прозаик, автор девяти книг прозы и поэзии. Перевела с русского на тувинский язык книги Юрия Промптова «В центре азиатского материка» и Бальтасара Грасиана «Оракул». Окончила Высшие литературные курсы и продолжает учиться в аспирантуре Литинститута имени А.М.Горького. Умная, талантливая, образованная женщина, несущая в душе хрустально чистую воду из источников жизни своего народа — детей Тувы. Обсуждению её произведений было посвящено множество занятий, и каждый раз я шёл на них, как шёл смотреть спектакль или фильм, созданный режиссёром, которого ты уважаешь, и творчество которого помогает тебе жить. И все участники

этих еженедельных встреч с неиссякаемым интересом читали новые и новые главы из книги «Душа шамана», стремились найти и показать автору, каким образом можно сделать эти главы ещё лучше.

Подлинная народность — то, к чему призывали в XIX веке творцы русской словесности, — есть главная отличительная черта творчества Донгак. Она насквозь пропитана природой, воздухом, духовной составляющей своего народа. Читая её, хочется всё больше и больше узнавать о традициях, верованиях, истории, характере тувинцев.

Она сама себя переводит на русский язык, но настолько любит свой народ и его музыкальную разговорную речь, что мно-

гие слова приводит по-тувински. Трудно было заставить её отказаться от этого, ведь перевод есть перевод, и нужно полностью переключать слова с языка оригинала на язык читателя, представляющего другую

нацию. Но это так трогательно — видеть, что писательница не может оставить любимые слова только в оригинале, ей хочется, чтобы и русские слышали их звучание.

Читая и обсуждая главы из книги «Душа шамана», мы вскоре пришли к выводу, что Донгак способна создать целый современный эпос своего народа, крупное прозаическое произведение, призванное стать энциклопедией тувинской жизни. Хочется верить, что так и будет.

А сейчас мы держим в руках книгу «Я — дочь серебряной горы», в которую вошли стихи, главы из «Души шамана», рассказы и публицистическая повесть о художнице Наде Рушевой, рано покинувшей наш бренный мир. Читателю предоставляется возможность открыть для себя мир замечательного человека и преданной дочери тувинского народа.

Александр СЕГЕНЬ

Да, да, можно оказаться там, где бывало наше детство — в сказке. Но нам некогда. А вот мне повезло — сказочный мир сам окутал меня тайнами и чудесами, явившимися из далёкой от нас Германии. Он, этот мир, оказался невероятными, захватывающими историями Генриха Дика.

Взрослым зачастую недосуг даже предположить, что можно очутиться в стране сказок. Наши большие и важные дела, сложные обстоятельства обыденной жизни заполняют видимое пространство и загораживают пути-дороги, ведущие к маленькой калиточке, которую стоит лишь открыть и...

Я — редактор, априори человек въедливый, придирчивый. Всякое неточное слово возмущает меня, всякое ложное толкование вызывает протест. Но вдруг эти мои качества оказались невостребованными.

Начала читать рукопись Дика «Где живёт счастье?» и осознала себя феей Марой, которая может быть беспомощной в некоторых ситуациях, как, например, в истории со статуей, потому что «на самом деле феи — тоже люди». Но, используя «волшебство», а это не что иное, как доброта и

ум, они способны творить чудеса в самых невероятных, как и в самых обычных условиях. История с бродягами и тюльпаном — наглядное тому подтверждение. Впрочем, фея может потерять свой волшебный атрибут, например, платок, и тогда не задача ли людей — помогать феям, к чему и призывает автор.

А потом началась история «Голубей дяди Анцлето», и мне захотелось одновременно побыть и мальчиком Михаэлем, и благородным Анцлето, разговаривающими с го-

лубями. И ещё — дочкой вождя племени, обитающего в пустыне, которая очень хотела узнать своё предназначение и, побывав на горе Прозрения, поняла, что хочет стать Учителем. И — подружиться с гномиками Поцелуйчиком и Артемидом, помочь мастеру Керу в изготовлении самых красивых кукол, а художника Лютнера предостеречь от неразумных поступков...

«Настоящая сказка всегда рядом», — говорит сказочник Генрих Дик. И у меня тоже наступило время её написать, как у одинокой старушки из истории «Пора было писать сказку».

А самому Генриху Дик у меня желаю прожить много-много новых сказочных историй и непременно запечатлеть их в своих книгах.

Лидия ТЕРЁХИНА

«Я в самое лучшее снова вернусь...»

За каждым поворотом книги поэтессы, прозаика и переводчицы Лилии Агадулиной «Последний день дождя» — новая красота, приветливая, волнующая поэтичностью строк и задушевной певучестью

Её мировидение, остро чувствительное и эмоциональное, воплощает такое ключевое понятие как «малая родина» с особым трепетом, присущим женскому сердцу.

Лилия Агадулина родилась в Пермском крае, в «городе белых берёз» — Березниках, незримыми нитями связанного с великой историей России. В городе, под землёй которого некогда плескалось древнее Пермское море. Уральская земля для поэтессы — это предмет безграничной ответной любви, место рождения и место становления. Это дом, оберег, спасительный очаг, несущий в себе искренние проявления её души.

В поэзии Агадулиной нет места идеологии «переселенца», чувства утраты святости дома, которое влечёт дисгармонию и в отношениях с природой, своими истоками, с самим собой. Но нет в её мелодичной и светлой поэзии и безудержного оптимизма вселенской обустроенности, «вездомности». Только лишь там она чувствует родной причал, где уютно гнездится человеческое тепло, свет любви и памяти.

В русской культуре утвердился суровый, монолитный облик Урала, и многим представителям женской уральской поэзии присущи эти мужественные черты духовной стойкости, твёрдости, негибкости — такой «мужественной женственности». В проникновенном рисунке стихотворений Лилии Агадулиной слышатся отголоски изумительной поэзии Серебряного века, преобладает женское начало, излучающее всепоглощающую любовь, душевную теплоту и чуткость. Именно эта культура сейчас наиболее интересна и литератору, и читателю. Очевидно, дело в похожести современным процессам смене мировоззренческих позиций, в стремлении к исконным духовным истокам, в созвучности взглядов на назревшие жизненные вопросы.

Все книги Лилии Агадулиной неизменно посвящены её трагически ушедшему из жизни сыну, юноше, только вступившему на жизненный путь. Образ сына мерцает и в течении реки, и в смене времён года, противостоянии света и тьмы, в родных горах, камнях, во всех символах и видени-

ях, неизменно обращённых к Небесам... Именно благодаря этим любящим строкам след сына не теряется в мире:

Жил — не жил, как будто не был...
Память только берегу.
Смотрит сын печально в небо
На пустынном берегу...

Книга «Последний день дождя» примечательна и переводами народного поэта, председателя Союза писателей Дагестана Магомеда Ахмедова. Его поэзия не ограничивается национальными рамками, она открывает читателю целостный взгляд на национальную культуру, самосознание и действительность.

Читателю будут интересны и переводы стихотворений Елки Няголовой — выдающейся современной болгарской поэтессы и общественного деятеля. Её поэтический мир красочен, глубоко философичен, наполнен символами и тайнописью высокой поэзии.

Книга «Последний день дождя» обогащает нас соприкосновением с полным легенд и сказаний миром Тувы в насыщенных национальным колоритом переводах Зои Донгак. Интересны и глубоки переводы татарского поэта Хамита Халила. В них — одухотворённость национальными идеалами, затрагивающая самые сокровен-

ные струны души, взволнованная забота о сохранении родного языка.

Поэзия Лилии Агадулиной свидетельствует, что женская чуткая сила является проводником земной энергии и небесной чистоты, а её строки — это одновременно и чувственный призыв, и покаяние, и молитва.

Нина ПОПОВА

«Ангел милосердия» из графского рода

Среди сегодняшних книжных лавин, беспрестанно сходящих на российских читателей выхолощенными «житиями» удачливых политиков и бизнесменов, исторический роман Анатолия Щелкунова «Ангел милосердия» представляется спасительным оазисом для жаждущих уберечь свои души от коррозии

Писатель (в недавнем прошлом ответственный работник Министерства иностранных дел), как заботливый археолог, бережно откапывает бесценные артефакты отечественной истории досоветского периода, очищает от идеологической пыли и грязи имена героев прошлого. На страницах романа оживают образы членов семьи выдающегося дипломата и государственного деятеля второй половины XIX века, графа Николая Игнатъева и его замечательной супруги Екатерины Игнатъевы (Голицыной) — правнучки фельдмаршала М.И. Кутузова.

Николай Игнатъев — один из самых блистательных и успешных русских дипломатов. При его деятельном участии в Парижской мирной конференции 1856 года многие земли Причерноморья попали под протекторат России, а не Турции. В 1858 году он добился заключения торгового договора с бухарским ханом и освобождения русских пленников; в 1860 году неимоверными усилиями обеспечил подписание Пекинского договора, по которому Россия закрепила за собой земли по правому берегу Амура (сегодняшние территории Приморского края и юга Хабаровского края). Став посредником в переговорах китайского правительства и объединённого англо-французского командования во время второй опиумной войны в Китае, своим дипломатическим талантом он смог убедить представителей Великобритании и Франции не уничтожать Пекин и Запретный город — жемчужину многовековой китайской культуры. Его деятельность на посту чрезвычайно го посланника, а затем чрезвычайного и полномочного посла Российской империи в Османской империи с 1864 по 1877 годы снискали славу главного защитника интересов славянских народов. А вклад в подготовку и подписание Сан-Стефанского договора 1878 года обессмертил имя графа Игнатъева в возрождённой Болгарии, где ему при жизни был установлен памятник, его именем названы населённые пункты, улицы, школы.

Но всё же не глава этой замечательной семьи и не его славные сыновья: Павел — киевский губернатор (1907 — 1909), министр народного просвещения (1915 — 1916); Алексей — киевский губернатор (1915 — 1917), дипломат и государственный деятель; генералы Леонид и Николай; Владимир — морской офицер, погибший в Цусимском сражении, — стали главными героями этой книги. В центре повествования — личность и судьба младшей дочери Екатерины, жертвенный подвиг которой не могут затмить ни выдающиеся заслуги отца, ни блистательная государственная служба братьев.

Екатерина Николаевна родилась 1 апреля 1869 года в Константинополе. (В 2019 году исполняется 150 лет со дня её рождения). Получив прекрасное домашнее образование и воспитание, Катя, как и старшая сестра Мария, стала фрейлиной супруги наследника престола Александры Фёдоровны Романовой. Но пробыла при царском дворе недолго. В обаятельную фрейлину влюбился племянник императора Александра III, великий князь Михаил Михайлович, и девушка ответила ему

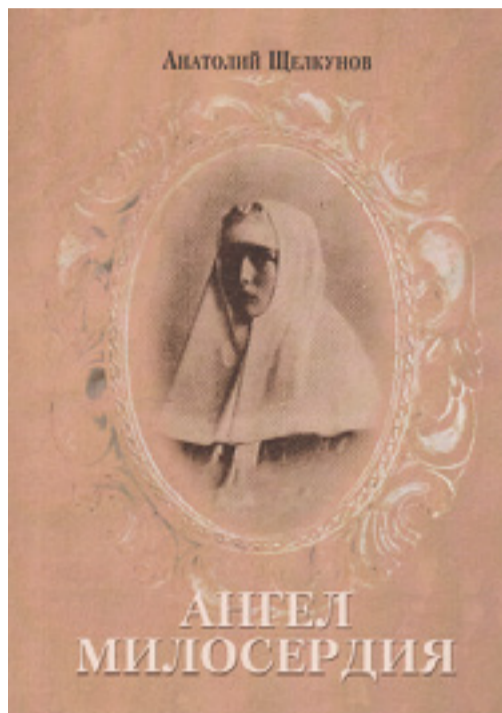
взаимностью. Однако царь не дал согласия на брак якобы из-за недостаточной знатности рода Игнатъевых. Дело в том, что интригами завистников из царской свиты Николай Игнатъев к тому времени был уволен с госслужбы и отправлен в «украинскую ссылку» в своё имение в селе Круподеринцы Киевской губернии (ныне Винницкой области). Мягко говоря, государь недолюбливал этого честного и открытого в суждениях чиновника высшего ранга — Игнатъев имел чин генерала от инфантерии и накануне отставки занимал пост министра внутренних дел.

Отказ императора на заключение брака больно ударил по любящим душам. Великий князь Михаил Михайлович вынужден был уехать за границу. А графиня Екатерина Николаевна приняла решение покинуть императорский двор и поступить в Свято-Троицкую общину милосердия, опекаемую Александрой Фёдоровной Романовой, посвятить жизнь не устройству собственного счастья, а безраздельному служению людям.

Анатолий Щелкунов

Этот её поступок не был случайным, совершённым в пылу эмоций. Автор показывает атмосферу в семье Игнатъевых, описывая эпизод воспитания дочери на основе христианской морали и жертвенной любви к ближним — мама подробно рассказывает маленькой Кате о фрейлине императрицы, баронессе Юлии Вревской, ставшей после гибели мужа сестрой милосердия и спасавшей от гибели на заснеженных сопках Болгарии русских солдат и болгарских ополченцев. Рассказ произвёл на Катю сильное впечатление. Образ Юлии Вревской стал для неё своеобразным символом милосердия, оказываясь в церкви, она непременно ставила свечу «За упокой рабы Божией Иулии». И провидение начертало линию судьбы Екатерины Игнатъевы, очень похожей на жизнь её героини.

*Не ищу мимолётной удачи,
У поэта иное призвание —
Быть на звоннице совести, значит,
Пробуждать у людей сострадание!*

Дафинка Станева «Страдание»

был создан при госпитале по инициативе Екатерины Игнатъевы, поскольку у неё имелся соответствующий опыт со времени русско-японской войны.

Особое внимание писатель уделяет приезду в русский госпиталь болгарской царицы Элеоноры — супруги Фердинанда I, её общению с графиней Игнатъевой. Эти две женщины из высшего общества были очень похожи своими духовными устремлениями и судьбами. Элеонора, как и Екатерина, преклонялась перед жизненным подвигом Юлии Вревской, входила в состав миссии Красного Креста в Китае во время пребывания там графини Игнатъевы. Она так же пережила любовную драму — любимый ею русский офицер, граф Марк Александрович Оспени погиб в районе Плевны. Больше никто из мужчин не смог стать близким её душе. Даже выйдя замуж за овдовевшего царя Болгарии Фердинанда I, она в этот же год совершила тайную поездку на место гибели Марка Оспени, чтобы поклониться его праху и заказать панихиду по нему в местном храме. Как и Екатерина, она превратила милосердие в духовное призвание своей жизни. Царица поднесла русской сестре щедрые дары, обеспечила её поездку в село Граф Игнатъев и храм Рождества Христова на Шипкинском перевале, воздвигнутый по инициативе и при активном личном участии Николая Павловича Игнатъева и матери генерала М.Д. Скобелева — Ольги Николаевны.

Нельзя без слёз читать последние главы книги о великой жертвенной миссии Екатерины Николаевны в период Первой мировой войны. Вновь по собственному желанию оказавшись в районе боевых действий, она мужественно боролась за жизнь русских воинов. В октябре 1914 года в полевых условиях семь дней подряд, стоя на коленях, ассистировала на операциях. Содрала на коленях кожу, заразилась столбняком и умерла на руках у подруг в военно-санитарном поезде.

Печальный финал и одновременно — необыкновенно светлый. На протяжении всего романа живой образ земной, красивой и великодушной женщины под пером вдумчивого писателя превращается сначала в христианскую подвижницу, осознанно и целенаправленно ограждающую себя от грехов и соблазнов высшего света и мирской суеты, а затем жертвующую свою земную жизнь на спасение других людей, по сути, ставшую ангелом небесным. Поэтому и название книги — «Ангел милосердия».

Думаю, читатель согласится с этим авторским определением, хотя официальной канонизации Екатерины Игнатъевы не было. Но ведь и адмирал Фёдор Ушаков не был Святым праведным воином до написания книги о нём Валерием Ганичевым. Важно, что появилось свидетельство о благочестивой и подвижнической жизни графини Игнатъевы, и оно заставляет глубоко задуматься о сути нашего земного бытия и человеческих качествах, отличающих нас от братьев меньших умением мыслить и сострадать.

Валерий ЛАТЫНИН

История чудотворного образа

В результате большой и кропотливой работы в архивах Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга в типографии «Буки Веди» увидела свет новая книга Александра Панина, посвящённая чудотворному образу «Лобзание Иисуса Христа Иудею»

Я давно знаю Александра Николаевича, члена Московской областной организации Союза писателей России как блестящего историка и архивиста. Он глубоко верующий человек и патриот нашей Родины. Панин возглавляет благотворительный фонд «Возрождение культурного наследия». Благодаря большому коллективу сотрудников этого фонда и историко-исследовательского центра «Архивное дело» под общим руководством Александра Николаевича и была проведена эта тщательная и кропотливая работа в архивах, библиотеках, частных коллекциях и музейных фондах.

Было обследовано и тщательно изучено множество новых документов, посвящённых истории обретения и почитания чудотворного образа «Лобзание Иисуса Христа Иудею», обретенного в Николаевской Берлюковской пустыни Московской губернии.

Александр Панин уже является автором вышедшей из печати в 2015 году книги «Чудотворный образ «Лобзание Иисуса Христа Иудею»». Но обретенные новые данные и документы показали необходимость выпуска второго дополненного и переработанного издания.

Большая часть документов, посвящённых истории этого образа, сосредоточена в Центральном историческом архиве, Российском государственном архиве древних актов, Государственном архиве РФ, Российском государственном военно-

историческом архиве, Центральном государственном архиве Московской области, а также в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Многочисленные артефакты, освещающие историю древней Берлюковской обители и её чудотворного образа, в течение последних двух лет были исследованы в Российском Государственном историческом архиве, Государственном научно-исследовательском музее архитектуры имени А.В.Шушова, Государственном историческом музее, Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Ногинском краеведческом музее.

Обретение чудотворной иконы «Лобзание Иисуса Христа Иудею» произошло в 1829 году. Это событие произвело на современников неизгладимое впечатление и сразу превратило Берлюковский монастырь в одну из самых почитаемых обителей на территории Московской губернии.

Нескончаемым потоком потянулись сюда тысячи православных людей для поклонения чудотворному образу Спасителя. Шли за исцелением от телесных и душевных ран, за духовным прозрением, шли и получали по вере своей. Поток богомольцев был настолько велик, что в начале XX века даже рассматривалась возможность строительства трамвайных путей в обитель из близлежащего города Богородска (ныне Ногинск).

Чудотворный образ Спасителя был обнаружен после того, как местной житель-

нице Татьяне Кузнецовой, страдавшей слепотой, явился ангел, возвестивший, что благодаря иконе, хранящейся в пекарне Берлюковской обители, она обретёт исцеление.

О чудесах, исходящих от этой иконы, по благословению митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) были сделаны обстоятельные дознания, полностью подтвердившие все случаи исцелений. Особую славу чудотворная икона приобрела как врачующая от тяжелых глазных болезней.

Неоднократно бывал в обители и возносил свои молитвы у чудотворного образа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен, посвятивший ему одно из своих замечательных духовных стихотворений.

Особый интерес вызывает документ под названием «Опись церковного имущества, список верующих церковного Совета и служителей культа Николаевской, что в Берлюках церкви Пригородной волости Богородского уезда», совсем недавно обнаруженный Александром Паниным. Эта опись датирована 1926 годом. На описи есть штамп «Мособлархив. Архив Октябрьской революции» и приписка «Богородское Уездное Управление милиции». На сегодняшний день это последнее упоминание о чудотворном образе Спасителя.

Новая книга уже поступила в продажу в иконной лавке подмосковной Николо-Берлюковской обители.

Книга Александра Панина, изданная тиражом 1000 экземпляров, иллюстрирована большим рядом фотографий, гравюр, литографий, планов, карт и чертежей.

В книге впервые представлены уникальные фотографии крестных ходов с чудотворным образом Спасителя по Богородскому краю, воспроизведены портреты Берлюковского настоятеля игумена (впоследствии архимандрита) Тимолая (Ерина), а также фотографии фотографа Павла Левинского, запечатлевшие пустынь в 1903 году.

Автор выражает большую признательность настоятелю Николо-Берлюковского монастыря игумену Евмению (Лагутину) за постоянную поддержку и благословение на проведение всех исследовательских архивных работ, а также своим близким сподвижникам, членам Попечительского совета благотворительного фонда «Возрождение культурного наследия».

Сергей АНТИПОВ,
заместитель председателя
Московской областной
организации СП России

Во граде Тобольске

Милость к нам проявила природа. Играло солнышко, чуть пригревало, свет сиял во все стороны. Благодать на исходе осени, почти летний денёк. Обычно в безлиственную пору по Сибири уже гуляет-завывает снежно-пыльная метель, а просторы обнимает морозец. А тут — такой подарок!

Про место, куда мы приехали, старинная забытая песня доносила: «На диком берегу Иртыша сидел Ермак, объятый думой».

Атаману было от чего задуматься! Во сне или наяву Ермаку Тимофеевичу почудилось пророчество: он должен оградить русские селения от набегов татар, силой взять и привести Сибирь под руку царя Московского.

Горстка отважных казаков (пятьсот или чуть более), бесстрашных, как и сам атаман, всё приближалась и приближалась к многотысячному войску сибирского хана Кучума, который, говорят, имел большие связи на Западе и в Азии, а посему собирался пойти разорить саму Москву.

И вот у Чувашева мыса на реке Иртыше, где теперь, почти пятьсот лет спустя, мы стоим в качестве приезжих гостей достославного града Тобольска, произошла битва, равной которой, наверное, не отыскать за всю историю человечества.

Отряд казаков, а на каждого приходилось, пожалуй, по сотне и более врагов, вооружённых, кстати, даже пушками, опрокинул, обратил в бегство и рассеял большую армию хана Кучума.

Разве это не чудо?

Чудо, да ещё какое!

— Мы не знаем, сколько голов сложили в страшной битве казаки, но уже на другой день те, кто остался в живых, сели на струги, поплыли вверх по Иртышу и заняли столицу Сибирского ханства — город

Искер, — рассказывал Аркадий Елфимов, коренной сибиряк, большой знаток русской истории, руководитель общественного «Фонда возрождения Тобольска». — И что самое примечательное? Взятие столицы хана Кучума произошло в день памяти святого православного подвижника Дмитрия Солунского. Красноречивый знак! Случайного не бывает, случай — «орудие» Провидения Господня. Победа в день Дмитрия Солунского означала: русские пришли в Сибирь на века!

Разве это не чудо?

Чудо, да ещё какое!

Тайна заключена и в том, что чудо, явленное атаману Ермаку, не исчезло в одночасье. Оно длится, переходит из века в век, обретая новых сторонников, принимая разные формы. Одно из подтверждений тому — раскинувшийся на крутом берегу Иртыша ботанический парк «Ермаково поле», уникальный для всей Западной Сибири. Название — опять же в честь храброго казака, здесь же стоит и оригинальный памятник ему. Заброшенная в лихие 90-е годы территория дома отдыха обрела новое прекрасное существование. Стараниями Аркадия Елфимова и его друзей «природные композиции» воспроизводят страницы истории славной духовной столицы Сибири — светлого города Тобольска. Их дополняют скульптурные и декоративные объекты. Сколько любви, мастерства потребовалось вложить в замыслы!

И вот — «след» из 26 октября 1582 года, когда Кучум позорно бежал с Чувашского мыса, неожиданно обрёл явь в ботаническом парке. На холме встала часовая в честь святого Дмитрия Солунского.

Устремлённая в широкое небо, белая, красивая, глаз не оторвать, часовня будто парит над округой, олицетворяя символ нашей великой русской государственно-сти. Автор — архитектор Алексей Белоусов, без преувеличения, вложил в него душу.

Разве это не чудо?

Чудо, да ещё какое!

Строгая красота небольшого храма естественно входит в исконную святоотеческую традицию Тобольска — активного религиозно-духовного сердца Сибири. Тобольск для зауральской части страны до самого океана тоже, что Троице-Сергиева Лавра под Москвой для всей России.

Это «сердце», конечно, не могло не отозваться на страшную беду, что постигла Русь в самом начале прошлого века. Насильственное отлучение от власти

помазанника Божия стало катастрофой для народа и началом восхождения Николая Романова на свою Голгофу. Дом генерал-губернатора в Тобольске дал последнее пристанище законному русскому царю, его семье и сподвижникам. Дом сохранили стараниями горожан, хотя его могли сжечь, взорвать, развалить, как случилось с «домом купца Ипатьева» в Екатеринбурге, куда в 1918 году вывезли «пленников», а в начале лета расстреляли. Через сто лет после зверской казни царя-императора и его семьи, в апреле 2018 года в доме генерал-губернатора открыли музей в память о последних представителях династии Романовых.

Глубокие и трепетные чувства охватывают всякого, кто входит под своды дома, комнаты и лестницы которого помнят царя.

Разве это не чудо?

Чудо, да ещё какое!

Геннадий САЗОНОВ,
Вологда-Тобольск

Артавазд САРЕЦЯН

Поэт, прозаик, публицист и переводчик. Живёт в городе Сухум (Абхазия). Учредитель и издатель русско-армянской газеты «Литературный Амшен», издающейся в Абхазии с 1991 года, ответственный секретарь газеты «Республика Абхазия».

Член Союзов писателей Абхазии и Армении. Автор двенадцати книг прозы и поэзии поэтических и прозаических сборников, активно занимается переводческой деятельностью, популяризируя творчество абхазских поэтов и писателей в армянской читательской среде.

Его личный вклад в дело духовного сближения армянского и абхазского народов отмечен высшей наградой Абхазии — орденом «Честь и слава», медалями Армении «Уильям Сароян» и «Посол родного языка»

Та фарфоровая кофейная чашечка в нашем доме была ещё до моего рождения, как и медная кофемолка, привезённая нашими дальними родственниками из Еревана по просьбе нене* более шестидесяти лет тому назад. К слову сказать, она верой и правдой служит до сих пор, и до сих пор качество молотого кофе вызывает всеобщее восхищение. Кофемолка по праву стала семейной реликвией, и я, наверняка, передам её по наследству моей внучке Софии.

Чашечка, когда-то гладкая и блестящая, со временем лишилась глянца, и сейчас она почти вся поцарапана, вместо стёртых узоров на её стенках появились трещинки-морщинки, как на лице нене, а в нескольких местах отбиты края. У чашечки было своё место — «постоянная прописка» (как шутили мы) в одном из ящиков расположившегося вдоль стены старого шкафа, такого же изношенного, как она сама. Ручной работы этот шкаф, с красивыми симметричными узорами, был очень старым, точнее, старинным.

— Его много лет тому назад смастерил твой дед, варпет** Епрем, из каштановых досок, золотыми своими руками их обтесав и отшлифовав, — время от времени напоминала нене, — эти доски помнят тепло его души, ласку рук. Ты должен, ты обязан чувствовать это, ты же внук ...

«Это же раритет!», — говорили соседи и, будто сговорившись, в один голос твердили, что если его умело отремонтировать и покрыть лаком (а лак бесплатно привезла бы из далёкого Армавира моя тётя Нвард, работница мебельной фабрики), можно дорого (конечно, по нашим меркам) продать, а на вырученную сумму купить сталинский «Москвич» очень даже в неплохом состоянии. Благо, любители подобных ручных работ, по их словам, всегда были, есть и наверняка будут.

Но, к моему глубокому сожалению, нене об этом даже слышать не желала:

— Раритет-маритет не знаю и знать не хочу ... Вот когда меня не будет...

Дальше следовало многозначительное молчание.

И хотя уже прошло немало лет, я до сих пор отчётливо помню, как же приятно ласкало мой слух это хотя и непонятное, но такое тёплое, почти родное слово «раритет»! О, эта кофейная чашечка! ..

Только нене и пила из неё. Она одна. И не потому, что никому не разрешала ею пользоваться — просто чашечка настолько (по мнению домочадцев) была изношена физически и морально, что её стыдно даже показывать людям. Из шкафа нене доставала чашку один раз в день. Строго один раз — и только по утрам, когда соседки, как по расписанию, собирались у нас дома поговорить, чуть-чуть посплетничать за чашкой ароматного кофе.

После особой церемонии приготовления напитка и его смакования, тётя Мари-ка переходила к основной части кофепи-

тия — к гаданию на чёрной гуще, узорами умолкнувшей на узком доннышке чашечки.

О, искусство гадания на кофейной гуще! Здесь всё очень серьёзно и важно, всё имеет судьбоносное значение и глубокий смысл: и взбалтывание содержимого чашечки круговыми движениями левой руки, и узоры-рисунки на стенках чашечки, их расположение и очередность, цветовая насыщенность. Здесь нет мелочей, случайностей. Моя нене безгранично верила в эти гадания. Конечно, верили и соседки, но нене по-своему, как-то по-

ют моего настоящего имени. Рассказывают, что уже после смерти нене некоторые мои родственники гадали: «Кто же этот Сарецян... Артавазд, чей же он сын, не из наших ли?», и когда один из двоюродных братьев Альберт, наконец, вспомнил курьёзную историю, связанную с моим именем, обрадовано соглашались: «Конечно, наш, чей же ещё!»

Каждое божье утро нене протирала фотографии и ставила свежие цветы перед ними. А садилась она всегда напротив шкафа, на свою тахту, потому что отсю-

рассказы моей нене, которая была знатным задушевным собеседником.

Однажды вечером, когда мы со старшей сестрой добросовестно исполняли завет дедушки Ленина «учиться, учиться и учиться», а нене, сидя на своём обычном месте, вязала носочки для нашей младшей сестры, из шкафа послышался слабый треск. Это неожиданно лопнула кофейная чашка, рассыпавшись на осколки... как надежды нене.

Я тогда подумал, что нене обязательно скажет, что зло миновало нас, что Господь

собенному. Она напряжённо и молча слушала тетю Марику, слегка наклонившись вперёд и спокойно подламывая потрепавшиеся от работы пальцы (думаю, что до боли, но она не чувствовала её, потому что, теперь я точно знаю, её сердце болело сильнее).

Нене ждала... Я хорошо знаю, чего она ждала, а точнее — кого ... Ждала с глубокой верой и неиссякаемой надеждой, ждала каждый год, каждый месяц, каждый день и миг. Наяву и во сне. Она ждала сыновей своих — Григора и Вагана, пропавших без вести на полях сражений Великой Отечественной, чьи увеличенные фотографии стояли на нашем шкафу. К слову сказать, нене до последнего своего земного дня называла меня Ваганом, не смирившись с Артаваздом — наверное, во мне видя своего сына. И в родном моём селе я так и остался Ваганом, и многие не зна-

да хорошо были видны фотографии её сыновей. Нене всё больше наклонялась вперёд, всё больше напрягалось её лицо, всё больше озарялись лучами надежды её глаза, она всё сильнее и сильнее подламывала пальцы, и, наверное, её сердце начинало биться чаще, когда тетя Марика на стенках кофейной чашечки вдруг находила ведущие издалека еле различимые круглые линии дорог... И это означало, что к нам обязательно должны прийти гости! А может?... А вдруг? О, эта кофейная чашечка — изношенная и... морщинистая, как лицо и руки нене! Сколько веры скопилось в ней, сколько мечтаний и ожиданий, сколько страданий, надежд. И ... их крушений...

Дорогим гостем в нашем дедовском доме был известный писатель Михаил Паркербай. Думаю, его привлекали не только гостеприимство и радушие хозяев, но и

спас нас от очередной беды — так, пережившись, она говорила всегда, когда разбивалась посуда. Но она ничего не сказала. Глядя на острые осколки, помолчала несколько минут, потом устремила на нас бездонную тоску насквозь прозрачных своих глаз и прошептала:

— Не выдержала ...

Я и сегодня помню, что мы тогда очень удивились. Как же мы не понимали: кофейная чашка уже не была просто чашкой — она давно стала... её сердцем...

А вскорости не стало и самой нене. Она умерла неожиданно. От разрыва сердца.

* Нене (арм.) — так называют бабушку амшенские армяне Трапизона.

** Варпет (арм.) — мастер.

*** Ехинджи-чаш — каша из крапивы (с кукурузной мукой и мятой), деликатес в чистом виде.

Успенск, Париж... Мазепа, Д'Артаньян...

«Был Городок» Виктора Шендрика — книга увлекательная, написанная живо и остроумно. Да и не только увлекательная, но и познавательная: речь в ней идёт о захватывающих событиях, происшедших в конце XVII века в городке Успенске на границе Украины и России, в Азове и Чигирине, в Москве, Варшаве и Париже, а среди действующих лиц — Богдан и Юрий Хмельницкие, Иван Мазепа, Степан Разин и Кондратий Булавин, Петр Первый и кардинал Мазарини

И даже сам капитан-лейтенант королевских мушкетеров месье д'Артаньян, который, как утверждает Виктор Шендик, был хорошо знаком с Мазепой, но отношения между ними сложились напряженные. Причём автору веришь безоговорочно, настолько притягивающе и правдоподобно идёт повествование этой удивительной книги.

Кто сегодня определяет уровень русской прозы Украины? Высококлассных прозаиков много: Анатолий Крым, Александр Лозовский, Алексей Курилко, Владимир Каденко, Борис Финкельштейн, Марианна Гончарова, Олег Недельский, Владимир Бушняк, Инна Мельницкая, Валерий Дружининский, Юрий Макаров, Виктория Колтунова... В этом ряду по праву находится и Виктор Шендик, пишущий не только романы и рассказы, но также стихи, и песни. Да ещё и поющий. Талант его во всех ипостасях проявляется мощно и ровно. И то, что он не знаменит всенародно и не обласкан повсеместным признанием, это — укор времени и тем условиям, в которых сегодня известны и популярны не писатели, а совсем другие персонажи.

О времени, кстати, в романе тоже есть любопытный пассаж, выдающийся в авторе не только прозаика и историка, но ещё философа и поэта:

«...одним из высших благ, дарованных человеку Богом, является незнание собственного будущего. Подумать страшно, что стало бы, знай мы, что готовит день грядущий! Умные люди во все времена понимали это и безжалостно отправляли на костры всяческих ясновидцев и прорицателей...»

Время, действительно, является полноправным героем книги, а события далёкого прошлого настолько напоминают сегодняшние, только в ином антураже и с

другими исполнителями, что оторопь берёт. Воистину, «всё, что было, не уплыло», всё повторяется, и ничто не ново под луной.

Судите сами:
«...И разгорелось восстание с новой силой, приобретаая в ходе своём все характерные признаки гражданской войны. Обильно, как долги перед получкой, множились повсюду гайдамацкие загоны, представлявшие по сути своей бандитские группировки. Воспетые народом и окрылённые его любовью, гайдамаки носились по всей Украине. Кроважностью и изощрённой лютостью прославились...»

«...Но какие силы и побуждения влекли в горнило войны мечтан и духовенство, казачью чернь и крестьян, то есть все слои населения, которые и принято именовать народом?»

— Воля! — истоиво твердили они. — Волиности и права!

И отправлялись, одержимые, за этим убегающим миражом, и слагали свои горячие головы в угоду всё тем же неизбывным властолюбцам...»

Как точно подмечено: неизбывным, — так и есть, проверено временем. И прошлым, и настоящим. И в этом прелесть большой литературы: она — на все времена, ибо даёт возможность понять, осознать и проанализировать ход событий, их подоплёку и неизбывность. Удивительно, что роман, написанный более пятнадцати лет назад, до сих пор не привлёк внимания кинематографистов. Фильм мог бы получиться отменный.

Автор задаётся вопросом: кому чаще всего ставят монументы благодарные потомки? Ответ как будто очевиден: знаменитым людям, но кто они?

«...В Италии по сей день сохранились памятники Нерону. Установлены они не Нерону-поэту, хотя водился за ним и такой грешок. Установлены они Нерону — кроваждному и сумасбродному диктатору с явными признаками пиромании. Странно, но факт: наивысшую славу обретают в народе наиболее отпетые бандиты и душегубы. Человека, совершившего одно убийство, сажают в тюрьму. Монстру, сгубившему миллионы человеческих жизней, ставят памятники, слагают о нём песни...»

Идеями был переполнен гетман Иван Мазепа, выделявшийся среди современников не только богатством, но и образованием, помноженным на природный ум. Хотя, всё же, судя по изложенным событиям, именно богатство было его главным жизненным ориентиром. Автор очень убедителен, описывая время обучения Мазепы в Сорбонне, его службу гвардейцем при дворе французского короля, а также

знакомство с капитан-лейтенантом королевских мушкетеров д'Артаньяном, который с высоты своего жизненного опыта и дал наставление молодому гвардейцу стать богатым и никогда не упускать своей выгоды. Видимо, история с алмазными подвесками королевы и дальнейшие приключения добавили знаменитому мушкетёру предприимчивости и настроили на прагматичный взгляд на окружающую действительность. Гетман урок усвоил на отлично, став одним из богатейших людей своего времени. К тому же именно он, как утверждает романист, подарил королю хорошо известное теперь выражение, а было так:

...Король вдруг утёр слёзы и спросил:

— Что вы сказали, сударь?

Ободрённый вниманием гвардеец повысил голос:

— Я говорю: государство — это вы, ваше величество.

Король посветлел лицом.

— Государство — это я? Чёрт возьми, здорово сказано! Я обязательно запомню. Как вас зовут, любезный?

— Ив Мазепа, ваше величество! — вытянулся гвардеец.

— Я запомню и вас, сударь...

Встреча с кардиналом произошла неожиданно и, действительно, стала судьбоносной, подарив не только воспоминания. Впрочем, зачем рассказывать о том, что можно прочитать, и заодно узнать, где может находиться легендарный клад Мазепы-Мазарини, что стало камнем преткновения в отношениях гетмана и российского императора и о многом другом, не менее интересном.

Виктор Шендик подарил читателю возможность заглянуть в самые интригующие моменты отечественной истории, стать, если не режиссёром, то полноправным участником событий и поразмышлять о причудливых путях их развития. А думая, человечество становится чуточку лучше...

«Был городок» — книга и о прошлом, и о настоящем, о героях былых времён, и о нас с вами. Книга, читать которую не только не вредно, но и полезно.

Спасибо автору.

Владимир СПЕКТОР

Вся правда о Токийском процессе

Новая книга известного российского писателя, историка и юриста Александра Звягинцева «Ветер возмездия» рассказывает о том, как проходил Международный военный трибунал для Дальнего Востока, более известный как Токийский процесс — суд над японскими военными преступниками в Токио с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года

Предисловие к книге «Ветер возмездия» написал директор Службы внешней разведки Российской Федерации, постоянный член Совета Безопасности РФ, председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин.

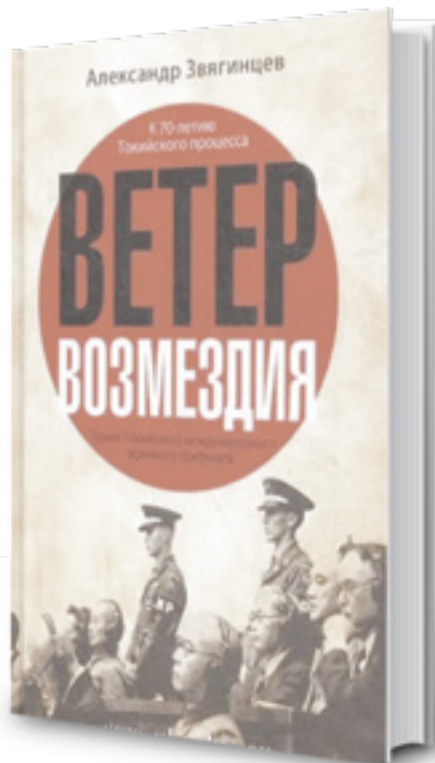
Семьдесят лет назад Международный военный трибунал для Дальнего Востока, судивший главных военных преступников Японии, вынес свой приговор.

Чудовищные по своим масштабам и принесённым жертвам две мировые войны XX века заставили послевоенное человечество задуматься о причинах, к ним приведшим. Задуматься и понять, что нужно сделать, чтобы такое не повторилось вновь.

Нюрнбергский и Токийский процессы над военными преступниками Германии и Японии стали важнейшими этапами на

пути осмысления трагических событий XX века. Их решения не только легли в основу послевоенного миропорядка, но и осудили человеконенавистническую идеологию, на которой основывались военные планы мирового господства, идеологию, развязывающую руки военщине, разрешающую идти на любые преступления, отбрасывая как ненужный хлам «химеру совести».

Международные трибуналы были чрезвычайно важны и потому, что, наконец, впервые в истории была реализована инди-

видуальная уголовная ответственность за военные преступления и преступления против мира и человечности.

Как и Нюрнбергский трибунал, Токийский работал в условиях сложной международной обстановки, когда вчерашние союзники по-разному смотрели на послевоенное устройство мира. Это не могло не сказаться и на ходе работы трибунала, и на его решениях. И всё же в первую очередь нам следует помнить о решениях и итогах, которые способствовали предотвращению глобальных военных конфликтов, вставали на пути тех, кто грозил людям применением оружия массового поражения, в том числе невиданными в истории бактериологическими войнами.

В наши дни мировое сообщество столкнулось с ситуацией, когда со всех сторон раздаются голоса о разрушении принципов и норм международного права, когда откровенно и кощунственно пересматриваются итоги Второй мировой войны. Последствия такой переоценки будут трагическими для всего мира. Вот почему нам нельзя забывать о столь масштабных и важных для всего мира событиях, как послевоенные трибуналы над военными преступниками.

Встреча классиков и современников

Под занавес года на Кузнецком мосту давали «Пиковую даму»! Необычную. Происходило это в Театральном зале Москонцерта, что на Пушкинской улице

Это вторая часть музыкально-поэтического цикла «Классика на пятерых», подготовленного театром «Академия слова» под руководством Сергея Михайловского.

Постановка «Пиковая дама» представляет собой гармоничное сочетание двух произведений классической литературы и классической музыки: повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» и одноимённой оперы П.И. Чайковского, написанной по мотивам повести.

Однако, как отметил режиссёр перед началом спектакля, с текстом великий композитор обошёлся несколько свободно, введя в либретто дополнительных персонажей, коих в оригинале у Пушкина не было.

Возвращаясь к идее своей постановки, Сергей Михайловский так пояснил цель задуманного. Цикл «Классика на пятерых» включает в себя шедевры поэзии, прозы и музыки. Спектакли создаются пятью со-творцами — это классики-авторы и современные исполнители. И представил их, вышеозначенных великих русских классиков и трёх исполнителей их бессмертных творений: народного артиста РФ Михаил Уткин (виолончель), аранжировщика Александра Блока (рояль), ну а третий — он сам, режиссёр-постановщик, лауреат Всероссийского Пушкинского конкурса артистов-чтецов Сергей Михайловский.

Итак, пушкинское слово звучало в сопровождении музыки Чайковского. Но, забегая вперёд, скажем, что от этого слияния и взаимопроникновения рождалось некое третье звучание, осмысленное режиссёром и артистами, получив новую огранку. И музыка, будучи самым сильным выразительным средством, не конкурировала с художественным словом, а оставляла ему приоритет в едином целостном существовании.

В открывшемся пространстве сцены подтверждалось и оправдывалось название театра «Академия слова». Всё выглядело, действительно, академично. Чёрный кабинет сцены с бархатными кулисами; отливающее чёрным блеском в свете софитов яркое зеркало пола; чёрный концертный рояль, заполняющий большую часть сценического пространства; и наконец, исполнители в классических чёрных элегантных костюмах, расположившиеся вокруг рояля.

Рояль с ногами и попир с пушкинским текстом оказались в центре выстроенной мизансцены, словно определяя главные места незримо присутствующих авторов. Исполнители обнаружили готовность, мгновенно преобразившись в единый ансамбль, и началось до тонкостей, до мельчайшего акцента продуманное

режиссёром действие. Зазвучала музыка. Музыкальная прелюдия сразу открыла границы театрального повествования, собирая внимание зрительного зала, задавая тон и атмосферу. Характер музыки определял и характер последующих затем

«Надобно знать, что бабушка моя лет шестьдесят тому назад ездил в Париж и была там в большой моде. Народ бежал за нею, чтобы увидеть la Venus moscovite»

А.С. Пушкин «Пиковая дама»

«А всё — Кузнецкий мост и вечные французы»

А.С. Грибоедов «Горе от ума»

пения: музыкальное (отрывок из оперы) и литературное — эпитафия. Пушкин поставил эпитафии в начале каждой главы «Пиковой дамы». А режиссёр Михайловский подхватил заданный стиль и продолжил в музыке, — своеобразными музыкальными эпитафиями.

Поначалу зрители, словно шедшие за режиссёром чётко по плану и внимательно следившие за действием, чутко ощущали эти грани композиции, где заканчивалась одна мысль и возникала другая, и награждали аплодисментами артистов за мастерство исполнения каждой составной части. Но так было недолго.

Сила воздействия музыки и слова настолько погрузили зрителей в обстоятельства, что зал беззвучно следил только за развитием событий спектакля и все части композиционного рисунка выстроились в единую непрерывную цепь. Не хотелось разрушать невольными аплодисментами возникшую силой искусства прочную ткань повествования, череду образов и событий, шествующих в воображении по сцене.

Особенно ярко взаимодействие музыки и художественного слова проявилось в кульминационный момент смерти старой графини. Перед тем как произнести окон-

чательный приговор, чтец уступил своё место и дал слово музыке. Виолончель первая рассказала о свершившейся драме со всей выразительностью звучания этого инструмента.

Благодаря музыке, зрители сначала почувствовали и пережили всей силой души и тревогу, и горечь, и непоправимость случившегося, и весь ужас содеянного Германом, а потом уже ещё раз осознали это умом, когда голос чтеца закончил прерванную мысль холодно и рассудочно. На сцене произошла некая психологическая инверсия, отличная от жизненной ситуации, где человек сначала осознаёт, потом чувствует. Здесь же обратный порядок реакции усилил градус восприятия события, сделал впечатление более насыщенным.

Умелый режиссёрский ход ловко разделил мысль и чувство, дав возможность вволю насладиться сначала одним, а потом другим. Только опытный одарённый мастер мог найти столь неожиданный приём для разрешения ситуации и заставить неординарно прозвучать ключевой момент широко известного произведения.

Таким образом, на сцене было три рассказчика, дополнявшие друг друга, вносящие каждый свои, только свои собственные ему нюансы: два музыканта, два музыкальных голоса (фортепиано и виолончель) и сам чтец, обладающий собственным неповторимым звучанием, своим диапазоном и тембром, голосовой глубиной. Красота низкого струнного голоса виолончели, его тягучесть, певучесть, мелодичность; мощь, основательность, широта и виртуозность сложного смешанного чувствительного голоса королевского рояля и человеческий голос составили блестящее неповторимое проникновенное трио. Казалось, что человек ведёт главный рассказ, рояль обобщает, а виолончель конкретизирует, внося подробности и детали.

Сергеем Михайловским было найдено и передано зрителю и ироничное, и трагичное и мистическое начало произведения, и его поэтика. Умение действовать словом — важное качество чтеца. И не только. Умение передать мысль, чувство, создать атмосферу, задеть зрителя за живое — непреложные качества любого артиста. Спектакль свидетельствовал о высоком уровне артистического мастерства и техники исполнителей. И зрительный зал был благодарен за доставленное наслаждение высоким искусством. Продолжительные овации выразили искренние впечатления публики от представленной программы. А купленные билеты на последующие спектакли театра «Академия слова» свидетельствовали, что люди нуждаются в таких классических постановках, — изящных, исполненных вкуса, стиля, достоинства. Ведь классика вечна или, если вам угодно, непреходяща во времени.

В наше время, когда спектакли бывают грубы и эпатажны, где, как пошутил Сергей Михайловский, неизвестно, на чём подорвётся, такие музыкально-литературные программы — оазис, сохраняющий высоту мастерства художественного слова, где классика не ассоциируется с понятием «несовременности», где нет насильственно притянутых и выпячивающихся актёрских трюков, где всё умно и целесообразно, и поэтому ценно.

Хотелось бы, чтобы такие спектакли и дальше находили поддержку и отклики зрителей и постоянно множили свою аудиторию.

Светлана ВОЛОШИНА—
АНДРИЙЧУК,
член Союза театральных
деятели России,
Союза писателей России

Последний легион Адама Мицкевича

...В Польше уничтожают советские военные памятники. Польские политики всерьёз обсуждают вопрос о сносе 500 русских (советских) монументов, сохранившихся ещё со времен Второй мировой, с освобождения и спасения Польши, и Сейм полностью поддержал эту идею, выпустив соответствующее постановление

В то же время большой заботой окружена бывшая «историческая» ставка Гитлера в Кентшине, откуда он планировал нападение на Советский Союз в 1941 году.

В польском городе Пененж сносят памятник генералу Ивану Черняховскому. Снесли уже. Но это сейчас — город польский, как и Щецин, в котором тоже крушат монумент благодарности советским воинам. Раньше эти города принадлежали Германии, и недалеко были переданы Сталиным полякам.

А Черчилль и Рузвельт решительно возражали против передачи целых двух третей Восточной Пруссии полякам. Правильно возражали...

Но Сталин настоял на своём... Ошибся он, ох, ошибся...

Есть картина художника В.Рехенмахера «Пушкин и Мицкевич у памятника Петру Великому».

Пушкин там вдохновенен, Мицкевич — мрачен... Его настроение художник уловил точно — Мицкевич тогда был сослан в центральные губернии российской империи из Вильны за участие в филоматско-филаретских организациях, и самочувствие его было соответствующим.

Впрочем, отделаться ему удалось сравнительно легко. Остальные заплатились солдатчиной и заключением в крепость. Мицкевич же был весьма осторожен — он всегда был осторожен — и друзья его, к счастью, тоже оказались сдержаны на его счёт.

Польский поэт, несмотря на пылкие в стихах призывы к свободе и борьбе, сам никогда в восстаниях не участвовал — в бунте 1830-го года тоже.

На картине изображена встреча поэтов в тот период, когда поляки не предавали ещё императорского наместника Велико-го князя Константина, которому лукаво, по-польски, клялись в верности. Ещё не предала брата российского императора школа польских подхорунжих, созданная им и размещённая в его собственном дворце.

Ещё не падала перед Константином на колени его супруга-полька, с которой он венчался и по православному, и по католическому обрядам, нежная шляхтянка Иоанна Грудзинская, получившая от императора Александра титул княгини Лович, с криком: «Ваше Высочество! Простите, что я — полька!».

И был ещё впереди растерянный вопль Константина, повторявшего в изумлении и горечи: «Да ведь они же не знают, как я их любил! В душе я поляк, совершенный поляк!»

Потом всё это было.

Был и диалог-объяснение поэтов в Москве, были и стихи, и взаимные переводы. Пушкин переложил довольно неуклюжую балладу Мицкевича о «Трёх Будрысах», поляк ответил переводом одной из глав «Евгения Онегина».

А в Москве на здании бывшей гостиницы «Англия» уже в наше время в память о той встрече появилась чугунная доска с пушкинскими строками о Мицкевиче. Помните?

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Но те, кто поместил эти проникновенные пушкинские строки на памятной доске, видимо, не помнили, чем оканчивается стихотворение великого поэта. Он ведь совершенно не обольщался личностью Мицкевича — и не ошибся.

Пушкин уже тогда в нём разобрался. Перед пронзительным русским гением Мицкевич не сумел скрыть своей высокомерной недоброжелательности к России. И Пушкин это тонко и сразу почувствовал.

Закончил великий поэт своё стихотворение совсем другими выводами, рассказав, как повёл себя Мицкевич после подавления польского бунта 1830 года:

Наш мирный гость нам стал врагом —
и ядом

Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он наполняет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!... Боже! Освяти
В нём сердце правдою Твоей и миром...

Но и потом поляк не утомился. Его «Дядю», считающееся, по словам польских литературоведов, вершиной польской романтической поэзии, почти на уровне европейского литературного развития, начинаются описанием дороги в Россию, по её «диким пространствам» («Дядю», отрывок части III) со вполне предсказуемым выводом: «Чужая, глухая, нагая страна». Он искренне и преданно не любил Россию...

И как тут не вспомнить Гоголя. Помните, как он сказал в «Тарасе Бульбе»?

— Эй, гетьман и полковники! Не сделайте такого бабьего дела! Не верьте ляхам: предадут псяхуи!

Во время Крымской войны к противнику из русской армии перебежало всего несколько человек. Все — поляки.

Домик этот удивительно невзрачен. Это стамбульский музей Адама Мицкевича. Впрочем, не совсем польский музей и не совсем Мицкевича. Просто он занимает часть этого здания. Основное место здесь предоставлено другому музею — чисто турецкому.

Хотя в застекленной витрине и помещена порядком выцветшая надпись на трёх языках: польском, английском и турецком — цитата из Виктора Гюго:

«Говорить о Мицкевиче — это говорить о красоте, справедливости и правде; это говорить о законе, о свободе, апостолом которой он был; об освобождении, которое он предвещал...».

Эти слова Гюго, конечно, взбадривают и придают силы, особенно здесь, в Стам-

буле, признанном центре торговли, Мекке предприимчивых поляков. Хочется верить, что не только поляки обращают на них внимание.

В Стамбуле Мицкевич провёл последние недели своей жизни. Сюда он приехал со своими двумя еврейскими друзьями — Хенриком Служальским и Арманом Леви 22 сентября 1855 года — в самый разгар Крымской войны.

Целью приезда было организовать еврейский легион и послать его на помощь армиям европейско-турецкой коалиции, воевавшим с русскими в Крыму.

Пан Адам сам решил возглавить этот легион. Опыт у него уже был: в 1848 году он организовал Польский легион, чтобы сражаться за свободу Италии с австрийцами. Правда, в боях не участвовал, уклонился. А легиону, им созданному, успех не сопутствовал.

Через две недели, после предварительных подготовительных работ в Стамбуле, оставив там своих спутников для продолжения формирования еврейского легиона, Мицкевич отправился в Бургас — основную базу, намеченную для легиона. Это было совсем недалеко от места боевых действий в Крыму.

Но там уже появилась холера, и польский поэт подхватил её. Вернулся он почти больным.

В тогдашнем Стамбуле нелегко было найти жилище с приличными бытовыми условиями, да и денег у пана Адама было недостаточно. Наконец, он со своими двумя друзьями нанял скромную квартирку в домике на окраине города. Это произошло 8 ноября 1855 года.

Один из друзей поэта так описывал царившую в домике обстановку:

«В углу справа находилось накрытая белым покрывалом железная кровать, рядом с ней столик, за которым он писал письма детям и друзьям, затем небольшая тахта и деревянный стул в углу, на нём кув-

шин с водой для умывания, второй столик находился в центре комнаты, на стенах — зеркало и несколько литографий — всё простое, обычное...».

Вот так и выглядела комната в стамбульском квартале Папас Кёпру, где 26 ноября 1855 года умер великий польский поэт.

Почему-то среди польских интеллигентов принято говорить, что Мицкевич умер от лихорадки. Это кажется более пристойным и приличным. Даже где-то — благородным.

Но это не так. Он, как и его «легион», умер от банальной холеры. Эпидемия была, и в этом нет ничего стыдного.

Дом, где умер Мицкевич, сгорел при пожаре в 1870 году. Спустя несколько лет польский эмигрант Ян Гурчинский — горячий поклонник поэта, построил на этом месте каменный домик, который цел по сей день.

Но идея создать в этом доме музей поэта была реализована только в год столетия его смерти — в 1955 году.

К сожалению, тот факт, что здание это являлось частной собственностью,

очень затруднял деятельность музея. В 1979 году «дом Мицкевича» выкупили турецкие власти и передали его в распоряжение Музея турецкого и мусульманского искусства.

В сотрудничестве с Польшей был возобновлён музей Мицкевича, и с 1984 года он открылся для посетителей.

Неизвестно, существование этого музея даёт больше поводов для радости или для беспокойства?

Кажется, радоваться особенно нечему. Турки, которые присвоили музею ранг государственного учреждения, не особенно заинтересованы его развитием и улучшением. Ведь этот поэт не их, не турецкий, и, что ни говори, — гуяр. Вот пусть они о нём и заботятся!

В музее находится довольно скромная экспозиция. Размещённый в подвале символический склеп (крипта) с надписью: «Место временного упокоения Адама Мицкевича. 26 ноября — 30 декабря», покрыто какими-то шарфами, пылью и грязью. Бело-красная лента напоминает старую тряпку. И это каждому бросается в глаза.

Более серьёзное дело — состояние самого здания. Оно просто ужасно. Протекающая крыша — её, правда, залатали, но временно. Штукатурка осыпалась. Нижняя часть дома — гниёт...

Поляки сюда забредают редко. Их больше привлекают стамбульские базары.

...Интересно сравнить. Неподдалеку отсюда находится музей Кошута. Венгры о нём заботятся — там есть и библиотека, и свой хранитель. Приезжающие в Турцию соотечественники, считают своим долгом посетить этот скромный домик, а не бросаться на знаменитый крытый рынок Стамбула — «Копала чарши». Такое вот родное отношение к своим национальным гениям.

Николай ПЛИСКО,
Стамбул, Турция

Дни памяти поэта Павла Васильева

Выдающийся русский и казахский поэт Павел Васильев родился по старому стилю 23 декабря 1909 года, а по новому стилю – 5 января 1910 года, поэтому конец и начало каждого года становятся его Днями памяти

Это поэт самобытный, яркий, неукротимый, евразийского размаха, творческая звезда его зажглась в 20-30-х годах прошлого столетия — сложного и неоднозначного времени, когда господство авторитарной «единой идеологии» способствовало уничтожению всякого чуждоклассового свободоумия, когда менялась сама история и понятие в ней добра и зла. И в это время в литературу мощно вошёл поэт с нравственным и духовным ориентиром на патриархальную казачью и крестьянскую культуру.

Эти Дни памяти были отмечены важным событием — выходом в свет книги «Маленькие истории больших стихотворений», посвящённой творчеству поэта. В ней содержатся кропотливые исследования не только его знаковых произведений, но и обстоятельства их создания, а также бесценные материалы и фотографии из

семейного архива и гравюры, посвящённые творчеству поэта.

Автор книги — Наталья Васильева, дочь, биограф, исследователь жизни поэта, хранитель творческого наследия. Первая презентация книги в рамках памятных дней состоялась по инициативе Московского Васильевского

общества (председатель — Сергей Кунаев) 17 декабря в столичной библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева. Ведущей мероприятия стала советник председателя Московской городской организации Союза писателей России, к.ф.н., поэтесса и публицист Нина Попова. В проведении вечера приняли участие: племянница Павла Васильева со стороны жены, исследова-

тель его жизни и творчества Светлана Гронская, внучка, переводчик его произведений на французский язык Светлана Анучина, председатель казачьей секции СП России, поэт, прозаик и переводчик Валерий Латынин, народный артист России Юрий Назаров, заслуженная артистка России, член СПР Людмила Мальцева, актриса Московского театра на Таганке, член Союза писателей и Союза композиторов России Полина Нечитайло, поэт Ахат Мухамедов и другие.

20 декабря в Рязани, в библиотеке-филиале имени Васильева состоялся праздник, посвящённый десятилетию присво-

ения библиотеке имени поэта. И здесь прошла презентация книги Натальи Васильевой «Маленькие истории больших стихотворений».

Этому предшествовала большая и серьёзная работа: создание в библиотеке информационного, культурно-просветительского центра — зала Павла Васильева, созданного на основе личного архива дочери поэта. Зал имеет общероссийское значение. На его базе создано и работает рязанское Васильевское общество.

Гостями библиотеки стали поэты Нина Попова, Лилия Агадулина и Ахат Мухамедов. Участникам вечера была продемонстрирована электронная презентация «Десять лет с именем Павла Васильева».

Со знаменательной годовщиной библиотеку поздравили депутат Рязанской гордумы Денис Милоков, краевед, писатель, публицист Николай Бульчёр, председатель Литературной ассоциации «Переяславль» Владимир Крылов и другие.

Одновременно с этим прошли торжества, посвящённые памяти поэта, в Омске и Павлодаре (казахский Дом-музей Павла Васильева). Ряд мероприятий пройдёт в других городах России. Творчество поэта, сумевшего соединить в своих произведениях богатство национальных поэтических культур двух народов, прочно входит в круг исследовательских интересов современных литературоведов.

Нина ПОПОВА

Большое тепло малой родины

Нынешней осенью главный редактор «ОЛГ» в очередной раз побывал на своей малой, но большой родине — в Якутии

шего родного села на берегу Лены, но и читателей других городов и весей, а также своих поклонников-театралов в столице республики. Сегодня на сцене Русского академического драматического театра города Якутска идёт три спектакля по пь-

Сегодня в этой северной республике живёт всего около миллиона человек на территории, куда бы легко вместились шесть Франций, поэтому на каждого якутянина условно приходится одна река, одно озеро и три квадратных километра северных просторов...

Охватить такие пространства даже мысленным взором — непросто, а уж тем более — воочию. Но Владимир Фёдоров старается при каждой поездке навещать не только своих земляков из родного Кобяйского района, которые построили и подарили писателю небольшой домик на месте его исчезнув-

сам Фёдоров — «Созвездие Марии», «Путь Святого» («Алмазный крест») и «Два берега одной Победы», поэтому желающих встретиться с известным земляком всегда хватает. На этот раз его ждали в Центральной городской библиотеке им. Белинского, на «Фестивале книги-2018», в библиотеках «03» и «Три Д», в Музее якутского казачества, в Якутском командном речном училище и других местах. И везде на память остались книги писателя с автографами и последние номера «Общеписательской Литературной газеты».

Встречи в культурном центре и библиотеке заполярного арктического посёлка Тикси у кромки Северного Ледовитого океана, казалось бы, могли стать самыми «дальними», но Владимир Фёдоров, присоединившись к экспедиции этнографов, преодолел по тундре на вездеходе ещё несколько сотен километров и пообщался с жителями эвенского села Найба и оленеводами на побережье моря Лаптевых, к которым в последний раз живой русский писатель приезжал только в давние советские времена. Конечно, встречи под полярным сиянием получились очень необычными и душевными, а сама поездка в Арктику — яркой и впечатляющей. В одном и ближайших номеров «ОЛГ» наш главный редактор расскажет об этом подробнее.

Соб. инф.

«Юным писателям подвластны все жанры»

В Детской библиотеке им. К.И.Чуковского посёлка Переделкино состоялся очередной XXXVI семинар для литературно одарённых детей и подростков Московского региона

Семинар организован Межпоселенческой библиотекой и Учебно-методическим образовательным центром Ленинского района Московской области при поддержке Московской областной организации Союза писателей России.

На этот раз в Переделкино приехали талантливые ребята из Москвы, подмосковных Воскресенского и Ленинского районов, из посёлка Михнево (г.о. Ступино).

Со дня первого семинара прошло шестнадцать лет. Тогда его организаторы не знали, что за полтора десятка лет в Детской библиотеке им. К.И.Чуковского прозвучат произведения более 700 школьников из Москвы, Балашихинского, Домодедовского, Зарайского, Клинского, Ленинского, Наро-Фоминского, Раменского, Ступинского, Шатурского и других районов Московской области.

Перед семинаром прошла традиционная экскурсия по удивительной библиотеке, созданной 60 лет назад специально для детей великим ребячьим писателем Корнеем Чуковским. Жизнь идёт, меняются административные границы. Теперь это библиотека № 266 города Москвы, которая после долгих усилий со стороны руководства ЦБС «Новомосковская» и обществу вновь обрела статус «детская». Да и как можно было убирать слово «детская» из названия этой волшебной библиотеки-сказки! Всю вторую половину XX века детские писатели из разных мест нашей планеты приезжали сюда и оставляли в подарок книги со своим автографом.

После экскурсии начался семинар, который вёл председатель Московской областной организации Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ Лев Котюков. Ему помогали один из

инициаторов переделкинских семинаров, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН Алексей Зименков, методист Учебно-методического образовательного центра Ленинского района Елена Доминова, учитель-словесник Иветта Беглярова, руководитель музыкально-литературного объединения «Фонарики» из подмосковного Михнево Оксана Галданова и член Союза писателей России Григорий Гаслов, один из руководителей детской литературной мастерской «Слово» города Видное.

Немного волнуясь, молодые авторы читали свои стихи и прозу, внимательно слушая доброжелательные замечания своих товарищей и руководителей. В исполнении юных авторов прозвучали лирические и философские произведения о любви и дружбе, о животных и природе, — обо всём, что их действительно волнует. Как всегда, с лучшей стороны показали себя воспитанники мастерской «Слово» при Видновской гимназии (руководители А.П. Зименков, Г.Д.Гаслов) и ребята из Видновской школы № 7 Ленинского района (учителя И.Г.Беглярова и И.В.Мостовая). Хорошими стихами и рассказами порадовали участники семинара из московской школы № 149 (учитель С.В. Алфёрова) и

творческого клуба «Поэтические грани» московской школы № 2065 (руководитель О.С. Баранова), члены михневского музыкально-литературного объединения «Фонарики» (руководитель — О.Н.Галданова). Среди участников семинара была двенадцатилетняя Анастасия Дробжева из подмосковного Воскресенска. Её стихи, пусть ещё несовершеннолетние, заслужили дружные аплодисменты. Всего в работе семинара приняли участие 35 человек, в том числе 20 детей и подростков.

В конце встречи руководители мастер-класса по традиции вручили книги тем детям, чьи работы понравились им больше всего. Среди награждённых были Екатерина Надзванная, Мария Усанова и Егор Дробышевский (г.Видное), Александр Гирий и Алексей Салтанов (пос. Михнево), Анастасия Дробжева (г.Воскресенск). Лев Котюков вручил Алексею Зименкову медаль «В память столетия Великой войны» за неустанную патриотическую работу с детьми и подростками Москвы и Подмосковья. В заключение все участники семинара побывали в расположенном рядом с библиотекой Доме-музее К.И.Чуковского.

Председатель правления Московской областной организации Союза писателей

России Лев Котюков, много раз руководивший работой семинаров в Детской библиотеке им. К.И.Чуковского, так отозвался о творчестве их участников: «Подмосковным и московским школьникам подвластны все литературные роды и жанры: гражданская и любовная лирика, сказка и эссе, басня и притча, критическая статья и былина, юмор и сатира. И в каждом юные поэты и прозаики способны добиться значительных успехов. Поражает их внутренняя зрелость, высокая мера самостоятельности и мастерства. Видно, как ребята любят животных, ценят семейное тепло, ощущают свою сопричастность с большой и малой родиной, остро переживают чужую боль. Они хотят и умеют анализировать окружающую жизнь, обсуждать волнующие их проблемы, пытливо вглядываться в самих себя, способны быть шутливыми и задумываться над вечными вопросами бытия».

Лев Константинович отобрал несколько наиболее понравившихся ему стихотворений и пообещал опубликовать их в ближайшем номере журнала «Поэзия», главным редактором которого он является.

Григорий ГАСЛОВ
г.Видное
Фото Елены Новосёловой

Литературный приговор и счастье подсудимой

Идея креативного мероприятия «Литературный приговор» родилась у меня от желания впрячь в одну телегу «коня» по имени Литературный процесс и трепетную лань по имени Литература...

Грустно, когда видишь, что литпроцесс превращается в «движуху» и ни на йоту не приближает авторов к главному — работе над текстами. «Литературный приговор» — попытка объединения «огорода с хороводом», когда семинарский формат работы выходит с корпоративного писательского поля на общение с публикой, чтобы наглядно пояснить: литературная работа — это не скука и не нудятина, это очень интересно, хотя и очень непросто. Это коллективный мозговой штурм, если угодно, фитнес мозга.

Пилотный прогон «Литприговора» состоялся на базе Оренбургского областного литобъединения им.Аксакова в Оренбургском Доме литераторов. Самое удивительное было в том, что обвиняемый нашёлся сразу — поэтесса Ирина Любенкова дала на обсуждение своё стихотворение. Попутно мы выяснили, что для «Литприговора» следует брать стихи максимум из пяти строф, поэма, даже малая, для мероприятия — неформат. Адвокат нашёлся тоже, даже два, в итоге была утверждена поэтесса Надежда Остроухова. А вот с прокурором пришлось помучиться:

Никто не шёл на должность прокурора, ведь прокурор обязан обвинять...

По счастью, на прокурора согласился член Союза писателей России, поэт Владимир Бакулин, человек воспитанный и тактичный. Далее были выбраны несколько присяжных заседателей из числа авторов коллектива, но присяжных можно выбирать и из публики... Ну а судьёй (по сути судья исполняет обязанности ведущего мероприятия) я сама себя предложила и утвердила. Главные тут те, кто осуществляет главное — литературное редактирование текста. В нашем случае были две группы экспертов. Правда, только в ходе работы мы поняли, что они должны работать автономно друг от друга и от основного действия. Потому что тот мозговой штурм во имя редактирования текста, на который им отводится всего 15 минут, требует сосредоточения, хотя понятно, что

в это время эксперты не сидят чинно-церемонно, а спорят друг с другом, предлагают и отвергают варианты... Так что в срочном порядке пришлось «сослать» одну экспертную группу в другой кабинет. Экспертных групп желательно не менее двух — для соревновательности. Эксперта по два-три в каждой группе. И конечно, экспертами надо выбирать авторов с опытом редактирования.

Ну и пока они работают, обвиняемый-подсудимый получает бонусный картбланш на авторскую читку. Как говорится, господин приговорённый, аудитория у ваших ног, насладитесь напоследок!

После окончания работы экспертов, зачитываются варианты правки (в нашем случае, два варианта). Высказываются по приоритетности предложенных вариантов прокурор, адвокат, судья. Хотя сейчас думаю, что судьё лучше вообще послушать всех и помолчать, и не влиять своим авторитетом на результаты голосования, так будет интереснее и интрига дольше сохранится. Вот если возникнет почти паритетная ситуация по голосам, тогда судья может высказать своё мнение и присовокупить два свои судейских голоса к результатам.

В нашем случае паритетности не случилось. Первая экспертная группа (Елена Кубаевская, Юрий Полуэктов, Андрей Юрьев) отнеслась к «обвиняемому тексту»

с максимальным пиететом. Но зато на финише предложила такую звонкую концовку, что у присутствующих, даже из числа конкурирующей второй экспертной группы (Елизавета Курдикова, Наталья Осипова, Вера Ряховских) не возникло сомнений в том, что этот вариант лучше. Вторая экспертная группа отнеслась к делу максимально творчески, от души перекроила текст, сделала его более озорным. Но не зря говорится в народе: конец — делу венец! Хорошей неожиданной концовкой можно спасти самое обычное стихотворение. И напротив, банальной — убить самый перспективный текст.

Голосование тайное, потому надо заранее позаботиться о маленьких листочках для голосования, раздав их прокурору, адвокату, присяжным заседателям, судьё.

Кстати, подсудимая Ирина Любенкова, очень переживавшая до мероприятия, после вынесения приговора выглядела настолько счастливой, что раздала присутствующим присланные ей из Сибири коллективные детские сборники, куда вошли и её стихи. А мне на радостях пообещала презентовать чёрную шёлковую судейскую мантию!.. Но самым главным итогом мероприятия стало то, что после «Литературного приговора» сразу у нескольких авторов возникло жаркое желание тоже сесть на литературную скамью подсудимых...

Диана КАН, руководитель
Оренбургского областного
литобъединения им.Аксакова

Дар, ниспосланный свыше

Под самый занавес минувшего года в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова в Сокольниках прошла очередная встреча Московского Лермонтовского общества

Здесь традиционно председательствовал искусствовед Александр Сахаров, а с рассказом о творческом наследии «гения в эпопее» выступила художник и писатель Кира Гаврилова. Свою книгу она назвала цитатой из Гёте — «Прирождённая заслуга», под которой подразумевается дар, ниспосланный свыше.

О литературной части вечера позаботилась режиссёр и актриса Светлана Волошина.

Буквально с первых же страниц издания мы окунаемся в «Молитвы» Лермонтова. Это разговор поэта с Богом. В этой же главе зарождается и другой разговор — автора книги с самим поэтом, из которого мы узнаём, как она пыталась осознать и постигнуть личность художника и поэта.

Каков он, Лермонтов, который пишет красками и рисует словом? Где умолкает поэт — начинает говорить живописец. Кира Гаврилова находит, что творческая манера Лермонтова очень схожа с манерой Рембрандта в плане композиции, цвета, контраста светотени (пробивающиеся узкие полоски света; выхваченные светом из сумрака освещённые лица). То же самое наблюдается и в его литературных портретах персонажей, пейзажных сценах. Лермонтов не чужд и главному постулату голландского мастера, где одухотворённость и драматизм положены во главу угла.

Из принесённых Кирией Гавриловой небольших репродукций образовалась пусть и небольшая, но целая картинная галерея русского гения. Художественное творческое наследие Лермонтова насчитывает 11 картин маслом, 32 акварели, 49 рисунков, 72 наброска...

Что-то очень трогательное и щемящее было в этой «передвижке» — будто вся яркая и трагическая жизнь Лермонтова отразилась в ней. Вот нежная голубая акварель «Парус». И как тут не вспомнить о «Парусе» стихотворном! Вот портрет мрачного испанского герцога Лерма, по изначальному предположению Лермонтова, его далёкого предка, вот кавказский цикл живописи, а вот «Выстрел из-за угла» — иллюстрация к стихотворению «Свидание» из неосуществлённого восточного цикла.

Подобрать стихи, соответствующие репро-

Лопухина в образе Эмилия

Воспоминание о Кавказе

Перестрелка в горах Дагестана

Рассказ о живописи Лермонтова

Автопортрет Лермонтова

Парус

Крестовья гора

дукциям, не составляет труда. Многие из них включают в себя пейзажные картины: зарисовки рассвета или заката, описания природы. Центральным в живописно-поэтической экспозиции стало стихотворение «На картину Рембрандта», напрямую отсылающее к старой школе голландского мастера. За выстроенным визуальным рядом воссоздавался звуковой ряд стихов. Вереница поэтических строк Лермонтова была пронизана смысловыми и образными контрастами, они звучали то протяжно и мрачно, то легко и игриво, то жёстко и страстно.

В заключение встречи книга «Прирождённая заслуга» с автографом автора была подарена принявшей гостей библиотеке.

Светлана АНДРИЙЧУК

Учредитель и Издатель:

«Международное сообщество писательских союзов» («МСПС»).
© Все авторские права защищены.
Газета Международного сообщества писательских союзов
«Общеписательская Литературная газета» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-42840 от 26.11.2010.

Редакционный совет:

Председатель — Иван Переверзин.
Члены: Владимир Бояринов, Светлана Василенко, Маквала Гоншвили, Илфак Ибрагимов, Юрий Конопляников, Лев Котоков, Низом Косим, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Михаил Кураев, Исхак Машбаш, Борис Орлов, Николай Русу, Владимир Середин, Николай Чергинцев.

Редакционная коллегия:

Главный редактор — Владимир Фёдоров
Заместитель — Елена Степанова
Дизайн — Лора Лей
Верстка — Алексей Новиков
Редактор — Елена Аксаментова

Адрес редакции:

123995, Москва, Поварская, д. 52, к. 17.
Телефон: (495) 691-6307, 691-1639.
E-mail: olg-msps@yandex.ru

Отпечатано:

АО «Красная Звезда»
123007, г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72
http://www.redstarph.ru
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
Тираж 9000 экз
Заказ № 0472-2019
Время подписания в печать:
по графику — 30.01.2019 в 10.00
фактически — 30.01.2019 в 10.00

Принимая во внимание, что одной из базовых ценностей современного демократического общества является свобода слова и совести, редакция даёт максимальную (в пределах закона) возможность высказаться авторам. Но это не означает, что мы всегда разделяем их позиции и точки зрения.
Авторы отвечают и за достоверность предоставляемой ими информации.